

"Любовь под Новый год"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Надежда Волгина

Любовь под Новый год

Эта удивительная история началась с самого банального события — попойки двух закадычных подруг. Да-да, именно попойки, а не выпивки по особому случаю. Но... обо всем по порядку.

Отработав положенное количество часов в родной школе номер сорок пять, где шесть лет преподавала русский язык и литературу и к которой уже успела сильно попривыкнуть, Катя возвращалась домой по оживленной улице. От усталости она еле переставляла ноги. Этому факту способствовало и огромное количество снега, выпавшего за день. «Хорошее начало зимы», — подумала Катя (по календарю сегодня наступил декабрь).

Ноги все время проваливались в рыхлые сугробы. В какой-то момент, когда Катя пыталась вытащить ногу из очередной снежной кучи, не зачерпнув голенищем сапога, она почувствовала, как в сумке завибрировал мобильный телефон. Чертыхаясь про себя, кому это приспичило звонить в самый неподходящий момент, она попыталась найти в огромной учительской сумке маленькую трубочку. И, когда у нее получилось-таки достать ее, что есть силы крикнула:

— Алло!

— Ты чего так орешь, Колобкова? — Да, обычно именно так и обращалась к ней подруга детства Цыганова Дина.

— А ты нашла время, когда звонить, — в ответ огрызнулась Катя.

— А что такое, застала тебя за интересным занятием? — хихикнула трубка. — Хотя, о чем это я? Ты у нас такими делами не занимаешься, по статусу не положено.

— Чего мелешь? — обиделась Катя. — Какими такими занятиями? Говори уже по существу, зачем звонишь?

— Что у тебя там за грохот? Ты что, из ванной разговариваешь?

— Дин, я вообще-то иду домой с работы. Жутко устала и рискую завалиться в какой-нибудь сугроб, а ты тут еще и отвлекаешь меня всякими глупыми инсинуациями.

— Тьфу, слово-то какое откопала. Ладно, перехожу к делу... Тем более, раз ты еще не успела добраться домой. Давай, дуй ко мне.

— Ага, вот сейчас все брошу и дуну, — раздражалась все больше Катя. Для ее подруги, разъезжающей по городу на машине, расстояние в десять километров между их домами никогда не являлось препятствием. Она могла в любой момент собраться и приехать к Кате, даже если поводом являлась банальная дилемма, какую пару туфель ей выбрать для очередного званого ужина, которых у нее было по семь на неделе.

Катя наконец-то добралась до своего подъезда. Прижимая ухом трубку и разыскивая в сумке ключи, она топала ногами в попытке сбить налипший на сапоги снег и, задыхаясь от прилагаемых усилий, продолжала говорить:

— Дин, я к тебе точно не поеду. Жутко устала. Может, мы как-нибудь по телефону разберемся?

— Нет, Колобкова, выпить по телефону точно не получится, — констатировала трубка.

— Чего? Выпить? — Катя уже прорвалась в подъезд, справившись с домофоном и тяжелой железной дверью, и открывала ключом дверь своей однокомнатной квартиры на первом этаже. В данный момент ее больше волновал вопрос: не затопило ли ее в очередной раз? После того как потоп был несколько дней подряд, пока сантехники не разобрались с проблемой, прочистив засор и увеличив диаметр сливной трубы, для Кати этот вопрос стал своеобразным пунктиком. Каждый раз, подходя к своей квартире, она начинала приноживаться, опасаясь очередного прорыва канализации. — Я хочу залезть в горячую ванну, отмокнуть как следует. Потом желательно что-то забросить в рот, так как за целый день кроме несчастного бутерброда мой желудок ничего путного не получил. А потом мне еще кучу тетрадей проверять. Это я уже планирую сделать перед телевизором с чашечкой кофе.

— Все сказала? — откликнулась Дина, выслушав Катю. — Ладно, поняла, ко мне ты ехать не хочешь. Иди, отмокай в ванне, я к тебе сама приеду. И даже не вздумай сопротивляться. Тетрадки свои проверишь завтра. Завтра суббота, и в школу тебе не надо.

Ничего возразить Катя просто не успела, Дина оперативно отключилась. Из всего разнообразия душевных качеств подруги категоричность стояла на первом месте. Она терпеть не могла, когда ей перечат, ставила свое мнение выше всего остального. Катя вздохнула: раз ее подруга решила с ней выпить, значит, так тому и быть.

Зная оперативность Дины, процесс принятия ванны Катя затягивать не стала. Едва согревшись, она поспешила покинуть уютное помещение, закутавшись в толстый махровый халат, с которым решила ни за что не расставаться. Щепетильная в вопросах одежды Дина потерпит ее «непристойный» вид, раз собирается какое-то время находиться на ее территории, подумала Катя.

Не успела она расчесать волосы, как услышала звонок в дверь. «Может, не открывать?» — подумала с тоской, глядя на себя в зеркало, а во входную дверь уже не звонили, а настойчиво стучали, по всей видимости, даже ногой.

— Чего ты ломишься, как будто за тобой гонятся? — с этими словами Катя распахнула дверь и в первый момент за огромным количеством пакетов не разглядела человеческое существо.

— Думаешь, легко все это тащить, а потом еще и два часа держать в руках, стоя под дверью? — Груз пакетов перекочевал в Катины руки. — Привет, дорогая. — Подруга потянулась к ней ярко-накрашенными губами. — Сто лет не виделись.

— С каких это пор месяц стал называться столетием? — чувствуя себя вьючным мулом и пытаясь высвободиться из цепких объятий, спросила Катя. — Пусти уже, иначе я сейчас рухну. Ты скупила половину супермаркета?

— Тащи уже, — Динка — миниатюрная брюнетка, стриженная под мальчика, с привлекательным макияжем — наконец отпустила Катю. — А купила я только самое необходимое. Вечер длинный, мало чего нам захочется. Не бежать же снова в магазин? — все это Катя уже выслушивала, разбирая пакеты на кухне, пока Дина раздевалась и прихорашивалась перед зеркалом в прихожей.

— Хочешь сказать, что нам понадобится и шампанское, и коньяк, и водка, и... сейчас прочитаю, бо-жо-ле, и мартини? — Катя в ужасе смотрела на гору спиртного на столе. В какой-то момент ей показалось, что Дина лишилась разума. Это в лучшем случае. В худшем — у нее

что-то случилось, и очень серьезное.

— Кать, ну ты меня удивляешь, — Дина забежала на кухню, где сразу стало как-то тесно. Как она умудрялась, при более чем миниатюрной комплекции, свое присутствие где-либо делать настолько ощутимым? — Во-первых, откуда я знаю, что ты захочешь пить? А во-вторых, ведь можно начать с наименее крепкого. Как известно, градус понижать нельзя, а повышать нужно, — засмеялась она, а у Кати сразу отлегло от сердца. Раз смеется, значит, ничего серьезного не произошло.

— А лимонов ты зачем столько купила? — с ответным смехом спросила Катя, доставая из пакета не менее килограмма цитрусовых.

— Во-первых, у нас, в России, коньяк принято закусывать лимонами. Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь, что мы столько не выпьем и не назакусываем. Зануда! Зато завтра мы сможем отпиваться чаем с теми же лимонами. И не задавай лишних вопросов. Да, я остаюсь у тебя на ночь. Не погонишь же ты меня пьяную? К тому же я за рулем, не пойду же я под шафе пешком, бросив здесь машину...

Если Катя и собиралась сказать что-то подруге, то уж точно не спорить с ней, зная, насколько это бесполезное занятие. Переспорить ее не смог бы никто. Права она или нет, Дина всегда до конца будет отстаивать свою точку зрения, даже если это грозит грандиозным скандалом, чем обычно дело и заканчивалось. Зато, поскандалив как следует и поразмыслив на досуге, Дина всегда извинялась перед оппонентом, если была неправа.

— Так. Давай-ка организуем легкую закусочку и переместимся в зал, на твоей кухне я задыхаюсь, — Дина засучила рукава шикарной блузки, явно эксклюзивной модели от известного дизайнера, и принялась нарезать тоненькими ломтиками буженину. — Так и будешь бездельничать? Принимайся за помидоры с огурцами. Сооруди-ка нам свой фирменный салатик. — Фирменным она называла салат из свежих помидоров, огурцов, капусты с большим количеством зелени и чеснока.

— Господи, а капусту-то ты зачем такую огромную купила? — спросила Катя, доставая из пакета самый большой вилок из виденных ею ранее.

— На всякий случай, — лаконично ответила Дина. Она уже вовсю резала сыр.

Нужно сказать, что у Дины все горело в руках, за что бы она не бралась. И всегда получалось изумительно. Вот и сейчас Катя залюбовалась, как она мастерски режет сыр и с талантом истинного сервировщика причудливо выкладывает его на тарелку.

Через полчаса небольшой журнальный столик, перед которым расположились подруги, ломился от разнообразной закуски. Следуя логической цепочке, начать решили с божоле, как самого слабого алкогольного напитка из представленного ассортимента.

— Давай, за встречу! — Дина подняла хрустальный фужер и звонко чокнулась с Катиним. Затем осушила его одним махом. — Пей, давай. Чего греешь?

— Кто же так пьет французское вино? — Катя вообще не любила торопливо пить. От этого она моментально пьянела.

— Не просто французское, а молодое французское. Во Франции даже праздник есть такой... — Проследив внимательно, как Катя осушает свой бокал, она продолжила: — Я тебе потом про праздник расскажу. А сейчас еще по одному. — Она снова наполнила бокалы. — Как говорится,

между первой и второй пьем без перерыва.

— Дин, а чего это ты сегодня решила выпить? — После второго бокала внутри у Кати все заметно потеплело. — Ты же вроде этим делом не сильно увлекаешься?

— Иногда, заметь, очень редко, — она подняла искусно наманикюренный указательный палец вверх, — мне это необходимо. Иначе можно сойти с ума. Нужно же как-то снимать напряжение.

— Напряжение от чего? — Насколько Катя знала Дину, та никогда не работала — в прямом смысле этого слова — за деньги. Она вышла замуж сразу после школы за одного из местных нефтяных магнатов. Детей решили пока не заводить, чтобы Диночка закончила университет по специальности «Туризм и гостиничное дело». После окончания университета муж купил Дине собственную турфирму. А вскоре они развелись, сохранив отличные отношения. Благодаря им Дина была обеспечена на всю жизнь, не утруждая себя работой. Доход приносила и турфирма под руководством нанятого ею директора.

— От чего, от чего... От жизни! — пафосно изрекла Дина. — Жить-то приходится в постоянном напряжении. — В каком-то напряжении, Катя уточнять не стала, опасаясь, что услышит очередную бредовую идею по усовершенствованию общества из уст подружки. — Давай еще по одной, и ты расскажешь мне, чего нового.

— В каком смысле?

— В самом прямом. Тебе сколько лет? Правильно, двадцать семь, — ответила за Катю Дина. — Ты у нас замужем? Правильно, нет. И ни разу не была. Вот я и хочу знать, как ты к этому относишься?

Нужно сказать, что в отличие от Дины Катина жизнь развивалась в прямо противоположном направлении. Обжегшись еще в школе, пострадав от первой школьной любви, она не испытывала никакого желания с кем-либо знакомиться. Кроме того, отдавала всю себя работе в школе, на любовь — как она считала — времени и сил уже не оставалось. Определенную роль здесь еще играла и нужда. В отличие от подружки деньги ей приходилось зарабатывать, а прожить на зарплату школьной учительницы было занятием из области фантастики.

Бутылка французского вина к тому времени опустела. Дина приняла более расслабленную позу, откинувшись в кресле, а лицо сделала серьезным, картинно сдвинув брови.

— Рассказывай! — приказала она.

— Да что рассказывать-то? — занервничала Катя. Когда Дина вот так начинала себя вести, Кате становилось очень неудобно. В такие моменты подружка сильно напоминала ей маму, любившую допрашивать дочь по поводу и без повода. Еще будучи в школе, Катя была вынуждена терпеть материнский деспотизм, а как только ей исполнилось восемнадцать, она съехала от матери в квартиру, доставшуюся от бабушки, перевелась на заочное отделение и пошла работать в школу лаборанткой, чтобы избежать излишней опеки. Теперь ее общение с матерью сводилось к не очень частым телефонным разговорам и встречам по праздникам. — Чего ты ко мне прицепилась?

— Хорошо, — серьезно кивнула Дина. — Ответь мне на один вопрос — у тебя есть парень?

— Ты и сама знаешь ответ на него, — насупилась Катя.

— Естественно! Я даже знаю больше! С тех пор как ты лишилась девственности с Сашкой Ляповым в десятом классе, мужчин у тебя больше не было.

— Зато у тебя их хоть отбавляй, — обиженно пробубнила Катя.

— И я горжусь этим. Это о чем говорит? — она чересчур внимательно посмотрела на подругу. — Это говорит о том, что я веду полноценный образ жизни, а ты страдаешь от недостаточной выработки такого необходимого нам гормона, как тестостерон.

— Ну чего ты мелешь? Какого еще тестостерона мне не хватает?

— самого обыкновенного! Вот скажи мне, тебе хочется секса?

— Господи, чего ты ко мне пристала? — воскликнула Катя. — Нет, мне не хочется никакого секса. — Глубоко запрятанная обида на весь мужской род слабо шевельнулась в душе девушки, но она усилием воли не дала выползти ей наружу, как делала уже много лет. — Кроме того, у меня нет времени, чтобы думать о всякой ерунде.

— О чем я и говорю, — не слушая Катю, констатировала Дина. — У тебя явный недостаток этого гормона, раз тебе не хочется мужчину.

— А тебе, значит, все время его хочется? — съехидничала Катя.

— Я не могу его хотеть, он у меня и так постоянно есть! — Что правда, то правда, недостатка в партнерах Дина не испытывала. Причисляя себя к женщинам со свободными взглядами на жизнь, Дина не отказывала себе в удовольствии переспать с понравившимся ей мужчиной. При этом она совершенно не стремилась выйти второй раз замуж, решив, что одного раза вполне достаточно. — А ты можешь сопротивляться сколько угодно и твердить, что мужики тебе не нужны. Природу не обманешь, и скоро она начнет мстить тебе преждевременным увяданием.

То ли вино так подействовало, то ли слова подруги на самом деле напугали, только Катя как-то очень стремительно схватила за бутылку шампанского и начала ее вскрывать.

— Я правильно повышаю градус? — спросила она с улыбкой, стараясь не встречаться с подругой глазами.

— Угу... — Услышав нотки иронии в голосе подруги, Катя еще ниже склонилась над бутылкой.

Как назло пробка сидела так плотно, что Катя измучилась и сильно покраснелась, доставая ее. В итоге, когда она разливала шампанское по бокалам, рука дрожала, и игристая жидкость слегка расплескалась.

— Итак, за что выпьем? — подняла бокал Дина.

— За нас? — неуверенно предложила Катя.

— За меня пить не надо, — отрезала Дина. — Давай выпьем за твой тестостерон.

— Ну что это за тост? — Катя чуть не заплакала. Она поставила обратно бокал и посмотрела на подругу глазами побитой собаки. — Что, нам больше не за что выпить?

— Бери, кому говорю, — Дина кивнула на Катин бокал. — Сейчас выпьем, а потом поясню.

Выпили до дна. После вина и шампанского в Катиной голове появился туман, стремительно

сгущающийся по мере впитывания спиртного в стенки желудка. Острота реакции на Динины измышлизмы притупилась, и на губах появилась блуждающая улыбка.

— Ты чего лыбишься? — сама улыбаясь во всю ширь, спросила Дина.

— Хорошо... — неопределенно ответила Катя.

— Ааа, — разговор рисковал превратиться в обмен бессмысленностями, но Дина во время вспомнила суть основной проблемы. — Ты мне тут зубы-то не заговаривай, — погрозила она пальцем. — И от темы не увиливай... хорошо ей.

— Спрашивай, — махнула рукой Катя, готовая ко всему.

— Неее, неправильно, не спрашивай, а предлагай, — слегка качнулась Дина, вновь наполняя бокалы. — Значит так, пари у меня к тебе. За это сейчас и выпьем.

— А, все равно, валяй, — пьяно кивнула Катя.

— Ты найдешь себе мужчину.

— Что значит найдешь?

— То и значит, пойдешь и найдешь, — икнула Дина.

— Куда пойду, на помойку мусор выносить? — хихикнула Катя.

— Обижаешь... Разве я пошлю свою любимую подругу на помойку мужчину искать? Давай так, найдешь ты его в гипермаркете на Красной.

— Ничего не поняла, как это найдешь, да еще в гипермаркете? Я что, буду подходить к каждому мужчине и спрашивать, не мой ли он, пока не найдется какой-нибудь алкаш или наркоман, который согласится быть моим? — смех Кати готов был перерасти в пьяную истерику.

— Стоп! — рывкнула Дина. — Сначала выслушай до конца, а потом перебивай.

— Дин, так не говорят...

— Не учи ученого, училка хренова. Как хочу, так и говорю, — в очередной раз заткнула Кате рот подруга. — Повторяю, пойдешь в гипер, подойдешь к понравившемуся тебе мужику и предложишь ему встречать вместе Новый год. А сейчас пей, пока ты не ляпнула очередную глупость.

Катя молча поднесла бокал к лицу, разглядывая подругу сквозь грани хрустала и искрящуюся в бокале жидкость. Понятно, что изломы хрустала исказили картинку, но не до такой же степени. Скорее всего, именно пары алкоголя в Катиной голове изменили Дину практически до неузнаваемости и сделали расплывчатой. Стараясь не думать о порочности и склонности к алкоголизму, Катя пригубила шампанское и услышала:

— Пей до дна! Это того стоит! — Динин бокал уже красовался на столе совершенно пустой.

К тому времени бутылка опустела и перекочевала на пол к бутылке из-под вина.

— Итак! — Дина придвинулась ближе к столу, разложила перед собой салфетку и потребовала:

— Тащи ручку, будем писать пакт!

— Дина, пакт — это международный договор, имеющий большое политическое значение, — важно изрекла Катя, подавая подруге ручку.

— А мне пофиг... Хорошо, пусть не пакт, пусть это будет пари, так и запишем па-ри, — вывела она корявыми буквами на салфетке. — Участники... Колобкова Екатерина Юрьевна и Цыганова Дина Евгеньевна. Заключили настоящее пари. Я правильно пишу? — посмотрела она на Катю.

— В каком смысле? С юридической точки зрения такого документа существовать не может...

— Ой, не нуди. Все я правильно написала, — сама себе ответила Дина. — Значит так, Колобкова Е.Ю. обязуется... Так, — она посмотрела по-пьяному серьезно на Катю, — когда у нас все это произойдет?

— Да что «все это»? — в очередной раз решила повозмущаться Катя.

— Не нуди, — повторила Дина, уткнувшись в салфетку, — лучше наливай!

— Ч-чего наливать-то? Шампанское выпито.

— Повышай!

— Чего? — Катя почувствовала, что слова подруги не сразу достигли цели — ее ушей.

— Я говорю, открывай мартини, — в задумчивости откликнулась Дина. — Так, пойдешь ты туда тридцать первого, в самый канун! — Если Катя и собиралась как-то отреагировать из-за волны возмущения, поднявшейся в душе, то помешали заметно снизившаяся скорость импульсов, подаваемых головным мозгом, и очередной выкрик Дины. — Выпьем за меня, как очень умную, преданную и изобретательную твою 16 подругу, — провозгласила она тост, едва не выбивая у Кати из рук бокал.

Кате было уже все равно, за что или за кого пить. Она машинально заглотила приторную жидкость, даже не почувствовав значительного повышения крепости, и поставила бокал на стол, опершись на него локтями, а ладонями обхватила лицо. Ей подумалось, что так она будет выглядеть умнее и лучше фиксировать все, что пыталась донести до нее Дина.

— Читаю! — закончив писать, с улыбкой людоеда произнесла подруга. — Я, Колобкова Е.Ю., обязуюсь тридцать первого декабря две тысячи одиннадцатого года в десять ноль ноль зайти в гипермаркет «Жемчужина», расположенный на улице Красная, извини, точного адреса не знаю, да и ни к чему он нам, — отвлеклась Дина, — и, выбрав понравившегося мне мужчину, предложить ему встречать Новый, две тысячи двенадцатый, год вместе со мной. Дальше... сегодняшнее число и твоя подпись. А ниже будет моя подпись, как главного свидетеля, — Дина аккуратно подвинула к Кате салфетку и ручку.

Потом Катя вспоминала, что где-то поставила закорючку, именуемую подписью. Потом Дина еще что-то писала и говорила, но этот процесс сохранился в памяти очень смутно, как сон или иллюзорные фантазии.

Проснувшись ночью, Катя поняла, что лежит в халате поперек кровати. Воспоминания о том, как попала в спальню, восстановлению не подлежали. Последнее, что она смутно помнила, это составление и подписание какого-то пакта. С пробуждением появилась тошнота. Она рванула в

туалет, боясь не добежать. По пути обратно в спальню она вспомнила про Дину и решила проверить, как та устроилась на ночлег. Заходить в зал было страшновато, учитывая, что как покидала его, Катя не помнила.

Электричество включать не потребовалось, лунный свет заливал комнату, хранящую следы попойки. Первое, что бросилось в глаза, — журнальный столик с остатками закуски и пустыми бокалами. «Это все завтра», — отмела Катя мысль о немедленном наведении порядка. Даже врожденная аккуратность, доходящая порой до педантизма, не могла сейчас сражаться с наступающим жестоким похмельем.

Но где же Дина? Испуг подкрался к Кате вплотную. Диван, на котором вчера сидела подруга и который был единственным спальным, вернее, полугораспальным местом в Катиной квартире, не считая кровати в спальне, был пуст. Катя обогнула столик и едва не споткнулась о мирно посапывающую на полу Дину. Видно сил добраться до ложа после завершения пира у той уже не оставалось, и она решила устроиться там, где эти силы ее и покинули. Катя с облегчением перевела дух. Делать нечего, придется еще немного потерпеть вертикальное положение, от которого вновь появилась тошнота, и транспортировать подругу на диван.

Раздевать Дину она уже не стала, новый спазм желудка, спровоцированный титаническими усилиями по переносу Дины, заставил ее бежать в туалет, откуда она с чистой совестью отправилась напрямиком в кровать.

Пробуждение Кати совпало с грохотом посуды на кухне, звуком бьющегося стекла и приглушенными ругательствами Дины. «Она все переколотит», — подумала Катя, не в силах пошевелиться.

— Проснулась?

Дина зашла в комнату, вытирая руки о полотенце. Выглядела она, мягко говоря, не очень — лицо припухло от вчерашних возлияний, и цвет его не радовал здоровым румянцем.

— Вставай, чего валяешься? Потопали чай с лимоном пить.

— Я не могу, — даже эта короткая фраза далась Кате с трудом.

— А кто может? Я тоже не могла. Но когда двигаешься, становится легче.

— Кому как, — промямлила Катя пересохшими губами. — Я не могу даже пальцем пошевелить.

— Ооо, да ты совсем скуксилась, — Дина сочувственно взглянула на подругу. — Ладно, жди. Сейчас сварганю чай и буду тебя отпаивать, — она унеслась на кухню, а Катя с тоской подумала, откуда только в людях берется эта энергия, бьющая через край?

Через десять минут Дина вернулась с двумя чашками чая, бутербродами с маслом и сыром и двумя рюмками водки, от вида которых Кате стало еще хуже.

— Я подумала, что естественным путем мы вряд ли оклемаемся, — смущенно произнесла Дина, заметив Катин панический взгляд. — Вчера мы того... лишка хапнули. Нужно помочь организму, — с этими словами она протянула Кате рюмку. — Пей, а то крякнешь.

— Дин, я даже понюхать не смогу, не то что выпить, — с отвращением отвернулась Катя.

— Я тебе что, нюхать предлагаю эту бормотуху? Зажми нос рукой и выпей залпом, — она поднесла рюмку вплотную к Катиным губам и сама зажала ей нос. — Пей, кому говорят, если не хочешь коньки отбросить.

В общем, выпить Кате пришлось, спорить с Диной — занятие бесполезное, да и сил на это не было.

— Вот и умничка, — Дина лихо заглотнула содержимое своей рюмки. — Сейчас полегчает, — пообещала она.

Пока Дина жевала бутерброд, Катя с удивлением прислушивалась к волшебным превращениям в организме. Если сразу после рюмки водки ее чуть не вывернуло наизнанку, то уже через минуту она почувствовала приятное тепло, а еще через одну в голове заметно прояснилось и тошнота отступила. «Ничего себе! — в восхищении подумала она. — Теперь я понимаю алкашей...»

— Ты как? — поинтересовалась подруга с набитым ртом.

— Лучше, — осторожно произнесла Катя.

— Вот и чудненько. Значит, не страшно будет тебя оставить тут одну.

— Ты уходишь? — Катя заметно занервничала. Факт, что Дину развезло от единственной рюмки на старые дрожжи, был налицо. — Уж не думаешь ли ты сесть за руль?

— Я что — раненая? Поеду на такси, а за машиной вернусь завтра. Ничего тут с ней не случится. Двор у вас, вроде, спокойный.

От сердца немного отлегло, но беспокойство все же осталось.

— Может, останешься до вечера? Выспишься как следует и поедешь, — предложила она.

— Не могу, — отрезала Дина. — Дел много, а времени в обрез.

— Каких дел-то?

— Ты, со своим ограниченным кругом общения, не поймешь, — хоть это утверждение и прозвучало грубо, но являлось чистой правдой. Уже длительное время Катя общалась только с Диной и матерью, не считая вынужденного общения на работе. — Все, я потопала. Посуду перемыла, в сушилку сложила, в зале прибралась. Лежи и не хандри, — хихикнула напоследок Дина.

Когда за подругой захлопнулась дверь, Катя перевернулась на бок, свернулась калачиком и моментально уснула, пряча воспоминаия о вчерашнем вечере подальше.

Декабрь в школе выдался напряженным. Весь педагогический состав лихорадило в преддверии Нового года. Директор школы — настоящий энтузиаст своего дела с двадцатипятилетним стажем работы — составил обширный план мероприятий на декабрь и распределил ответственность за проведение каждого между преподавателями. Катю назначили ответственной за проведение конкурса рисунков и поделок «Подарок Деду Морозу». Те часы, что были свободными от уроков, она тратила на сбор бесконечных поделок и рисунков. Все это нужно было сгруппировать по классам и возрастам, оформить в специально отведенном для

этого уголке. Кроме того, ее шестой класс принимал участие в поздравлении ветеранов Великой Отечественной войны, которое должно было состояться двадцать пятого декабря, и Кате приходилось постоянно репетировать номера с их участием. Естественно, она очень уставала и возвращалась домой практически на автопилоте.

В один из таких декабрьских дней она возвращалась домой после экскурсии с классом по местному краеведческому музею. Ошарашенная очередным директорским заданием провести среди учащихся средней школы экспресс-конкурс «Серебряное перышко», посвященный тому же Новому году, Катя размышляла, что если так и дальше пойдет, то встречать Новый год ей не захочется по причине крайней физической усталости и сильно притупившегося интереса.

Катя и раньше не очень жаловала этот праздник и не разделяла эйфории подруг в период подготовки к нему. Сколько себя помнила, каждый год встречала вдвоем с матерью — суровой женщиной, ставшей такой, как подозревала Катя, борясь с жизненными трудностями. Отца своего она не знала, он умер, едва ей исполнилось три года. С раннего детства Катя знала, что никакого Деда Мороза не существует и подарки детям под елку кладут родители. А поскольку нет Деда Мороза, то не было и подарков по той простой причине, что зарабатываемых матерью денег едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Стандартные селедка под шубой и пельмени, как символ наступающего года, на столе, бой курантов в двенадцать часов и приказ матери отправляться в постель в половине первого. Вот и все, что отличало этот день от всех остальных.

Единственно приятное, что у Кати было связано с этим праздником, так это затаенная надежда, что новый год будет лучше, чем предыдущий. Откуда появилась надежда, она и сама не знала, возможно из многочисленных книг, поглощаемых ею в детстве, или из рассказов подруг, а может мать своим одним единственным тостом в двенадцать часов «за светлое будущее» вбила в Катину голову эту мысль. Как бы то ни было, но год из года, сидя в одиночестве в своей квартире и слушая бой курантов, Катя загадывала одно и то же желание. Даже Дина, ее подруга, ни разу не встречала с ней Новый год. Не потому, что не хотела, а потому что ее образ жизни резко отличался от Катиного. В новогоднюю ночь Дина предпочитала находиться в шумной компании. Она и подругу пыталась приобщить к этому, но Катя в этом вопросе была непоколебима. Пожалуй, это единственное, в чем она не уступала подруге никогда.

А в этом году предновогодняя суэта как-то особенно бросалась в глаза. Разговоры были только о празднике. Все строили какие-то планы, где встречать Новый год, в чем они туда пойдут или кого позовут к себе в гости. Катя в этих разговорах не участвовала, точно зная, что никто ее не позовет к себе и она никого не пригласит в свой дом. В такие минуты девушка старалась абстрагироваться и думать о чем-нибудь совершенно постороннем, например, что можно вкусного приготовить в выходные или какую интересную книгу взять в библиотеке.

Погруженная в свои мысли, Катя невнимательно следила, куда идет, и, не заметив, на кого-то налетела.

— Смотри, куда идешь, — сначала услышала она мужской голос, а потом уже увидела хозяина. Мужчина присел, шнуруя ботинок. От столкновения с Катей он едва не завалился носом в сугроб, не удержав ее за воротник пальто. — Отпустите пальто, задушите, — еще более грубо произнес голос.

— Простите, — пискнула Катя, убрав руки и отскочив назад.

В следующий момент у нее появилась возможность рассмотреть говорившего — он наконец-то

справился со шнурком и повернулся к ней. С покрасневшего лица на нее уставились пронзительно-черные глаза, из которых искрами сыпалось возмущение.

— Вы что, не видите, куда идете, дамочка?

Катя подумала, что спокойный и низкий голос никак не вяжется с тем, что он говорит.

— А вы нашли, где шнурки завязывать! — не удержалась она от ответного упрека. — Прямо посреди тротуара. Хоть бы в сторонку отошли.

— Да где вы тут сторонку-то видите? — мужчина окинул взглядом тротуар, хотя, собственно говоря, окидывать-то было нечего. На узенькой дорожке вдоль проезжей части и летом-то едва расходились два человека, а зимой добрая его половина была завалена снегом, так что тут он был прав, справедливо подумала Катя, никакой сторонки и в помине не было.

— Значит, нужно было выйти на более широкое пространство, — Катя не сдавалась.

— Я, знаете ли, не привык ходить с развязавшимися шнурками, — парировал мужчина.

— А я не привыкла, что на моем пути внезапно вырастают... горы... препятствий.

— Я еще и виноват, что вы под ноги не смотрите, — мужчина начал возмущенно раздувать ноздри. — Нужно смотреть вперед, а не в себя. И вообще... на вас дурацкое пальто.

Этого уж Катя стерпеть не могла. Она окинула взглядом его холеную фигуру в дорогом полупальто и грозно выпалила:

— А вы олух и грубиян! — она оттолкнула его плечом, от чего тот опять чуть не свалился в сугроб, и, протиснувшись мимо, чеканным шагом направилась дальше, бубня ругательства себе под нос.

— Пугало огородное, — крикнул он ей в спину и громко рассмеялся.

Злые слезы затуманили глаза. Она, конечно, не считала себя писаной красавицей, но чтобы кто-то открыто называл ее пугалом? Такого с ней еще не случалось. Ее пальто, видите ли, не понравилось. Ей оно тоже не нравится, но нужно же в чем-то ходить зимой, а на норковые шубы у нее не было денег, да и не будет, наверное, никогда. Размышляя таким образом, Катя наконец-то достигла спасительного убежища, своей квартиры, но настроение у нее было окончательно испорчено.

На следующий день, прочитав около сотни сочинений на тему «Новый год», из которых менее десятигодились на конкурс, Катя уже начала подумывать об увольнении. Высказывать директору протест по поводу себя как устроителя, судьи и оформителя было бесполезно. Такие манифесты он просто не слушал, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов и удаляясь. Из этой ситуации существовало два пути выхода: бросить все и уволиться из привычного коллектива, где она проработала шесть лет, или терпеть и довести начатое дело до конца. Что тут выберешь, когда усталость подталкивает в одну сторону, а разум — в другую?

Этот рабочий день закончился позднее обычного. По пути домой она вспомнила, что выскребла утром из банки последнюю ложку кофе. Делать нечего, придется еще и в магазин заходить, хотя больше всего ей сейчас хотелось оказаться в горячей ванне. Но после ванны ей обязательно захочется выпить кофе, это уже превратилось в своеобразный ритуал. Так что

делать нечего, магазина избежать не получится. Благо, денег в кошельке было очень мало, а значит, с покупками не разгонишься, и магазин находился в двух шагах от дома, значит то незначительное, что она собиралась купить, далеко нести не придется.

В маленьком магазинчике самообслуживания было тепло и уютно. Украшенный разноцветными гирляндами, он выглядел по-праздничному. Правда, на такую небольшую площадь покупателей было предостаточно, а толкаться Катя не любила. Взяв корзину и поглубже вздохнув, она ринулась в глубь магазина к интересующей ее стойке.

Единственную банку того самого, любимого ею кофе Катя увидела издалека. Рискуя свернуть шею, она ринулась наперерез толпе к желанной цели, не надеясь, что банка все еще будет там и ее никто не уведет из-под носа. Уже протягивая руку, она краем глаза заметила черную кожаную перчатку, также приближающуюся к банке. Катя схватила банку первой и прижала к себе. Торжествуя, обернулась к обладателю руки. Им оказался тот самый мужчина, что вчера ей нагрубил.

— Это опять вы?! — возмущенно спросил мужчина. — Если вы не в курсе, то эта банка должна была быть моей, вы практически вырвали ее у меня из рук.

— Еще чего! — подбоченилась Катя. — Я первая ее схватила, — ехидная улыбка заиграла на ее губах. — А вы оставайтесь теперь без кофе...

— Предположим, без кофе я не останусь, — он окинул стеллаж взглядом. — Тут еще как минимум три вида есть.

— Да? Почему же вы тогда хотели взять именно этот? Не утруждайте себя, — скривившись, остановила готового заговорить мужчину Катя, — сама знаю, потому что этот самый вкусный. Был. А теперь его уже нет. Для вас нет, — она двинулась вдоль стойки, повинувшись внезапному желанию купить себе к кофе конфет.

— А почему вы мне все время грубите? — услышала она за спиной.

— Грубите вы, а я защищаюсь, — не сбавляя шага, ответила она.

— Вас что, кто-то сильно обидел, раз вы такая нетерпимая к мужскому полу?

— Да что вы себе позволяете? — резко обернулась Катя, так что мужчина чуть не налетел на нее. В самый последний момент он успел затормозить, но все равно находился слишком близко, нарушая Катину личное пространство. — Кто дал вам право задавать такие вопросы совершенно постороннему человеку?

Она слегка попятилась, наступив при этом на ногу какой-то женщине, за что немедленно и от нее узнала всю правду о себе.

— Да что же это такое! — Катя обернулась к тучной женщине, продолжающей нелестно выражаться в ее адрес. — Вы что сговорились все оскорблять меня? Вам-то что такого я сделала? Подумаешь, наступила на ногу. По-вашему, я это сделала специально? — Она гневно уставилась на женщину, и та предпочла ретироваться на безопасное расстояние. — А вы... Вы вообще идите, куда шли. Чего привязались?

— А что у вас с нервами? Не хотите показаться специалисту? — Мужчина нервно поправил шарф, а Катя очень некстати подметила, что у него красивые руки с длинными пальцами. — Я направляюсь к кассе, а это самый короткий путь.

— Вот и идите уже... к кассе.

— Я и иду, да вы мешаєте.

— Пожалуйста, — Катя вжалась в стеллаж, пропуская мужчину вперед.

Она еще какое-то время потопталась на месте, делая вид, что выбирает печенье, лишь бы не столкнуться с незнакомцем у кассы, а потом пошла расплачиваться, заметив, что тот покинул магазин.

Не успела Катя переступить порог собственной квартиры, как зазвонил домашний телефон. Разговаривать ни с кем не хотелось, особенно если этим кем-то была ее мать. Разговор с нею растягивался обычно на полчаса как минимум, во время которого Катя в основном выслушивала, какая она неблагодарная дочь, что так редко навещает мать, в то время как та совсем изболелась. Дело в том, что на здоровье мать жаловалась всегда, даже когда прекрасно себя чувствовала. Это было ее коронной фишкой, причем она никогда не слушала, что говорит ей Катя. Собственно, в такие моменты ей нужны были Катины уши, а не проблемы, о которых она и знать ничего не желала. Катина мама относилась к категории людей, считающих, что проблемы могут быть только у них.

Не взять трубку Катя тоже не могла, потому что звонить мог кто-нибудь из сослуживцев по действительно важному делу.

— Ты чего не берешь так долго трубку? — услышала она возмущенный голос Дины. — И почему у тебя отключен мобильник?

— Он не отключен, а сломан, — сдержав стон, ответила Катя. — Ему уже давно пора было это сделать — сломаться.

— Ладно, за мной мобильник. Жди его на Новый год. Кстати, именно по этому поводу я тебе и звоню...

— Если ты начнешь зазывать меня на какую-нибудь вечеринку, — перебила Дину Катя, — то сразу предупреждаю, зря стараешься. Я никуда не пойду, буду сидеть дома, пить шампанское и смотреть телевизор.

— Тише ты, тише, затараторила, — засмеялась Дина. — Чего это ты какая-то нервная? — «И она туда же», подумала Катя, в любой момент готовая бросить трубку. — Я звоню совсем не поэтому.

— Тогда быстро выкладывай, что тебе нужно. Я очень устала и хочу в ванну.

— Я звоню напомнить о нашем соглашении.

— Каком еще соглашении? — Катя начала снимать пальто, почувствовав, как по спине стекает струйка пота.

— Так и знала, что ты забудешь. Сегодня двадцатое число, и до намеченной даты осталось десять дней.

— Да до какой даты-то? — Катя уже справилась с пальто и принялась стягивать сапоги.

— До тридцать первого.

Дина настойчиво засопела, а Катя начала перебирать в памяти разговор с ней, вспоминая содержание.

— Именно тогда ты должна пойти в гипермаркет...

Катя до мельчайших подробностей вспомнила тот их разговор с Диной. Сказать, что ей стало дурно, значит не сказать ничего.

— Дин, ты же не будешь настаивать на этой глупости? — выдавила она из себя.

— Буду. И никакая это не глупость, а официальный документ, подписанный нами.

— Дин, ты же понимаешь, что никуда я не пойду, — устало вздохнула Катя, бросив пальто прямо на пол.

— Если не пойдешь, то можешь забыть, что я когда-то была твоей подругой, — обиженно засопела трубка.

— Но это же глупо, — взмолилась Катя. — Какой-то глупый спор рискует испортить нашу дружбу.

— Никакая это не глупость, а пари. Ты пойдешь, и попробуешь снять мужика на ночь, — Катя прямо задохнулась от подобной пошлости. — Ты о чем сейчас подумала? — захихикала Дина. — Ну ты и испорченная особа! Я говорю о свидании, а не о постели. Короче, все остается в силе. Ты пробуешь, а если не получается, то прощайся со своей любимой школой. И чего хорошего, кроме мизерной зарплаты, ты в ней нашла?

После разговора с Диной Кате как-то резко расхотелось валяться в ванне и пить кофе после. Она быстренько приняла душ и залегла на диван с книжкой, читая которую, не понимала ни единого слова.

«Как она это себе представляет? — думала Катя, разглядывая потолок. — Вот подхожу я к какому-нибудь мужчине и предлагаю ему встречать со мной Новый год. Что он должен подумать? Правильно, что я сумасшедшая и по мне психушка плачет. Хорошо, если он только вызовет скорую, а если даст мне в морду?» Тут уж фантазия Кати разыгралась на полную катушку. Она представила, как неизвестный мужчина начинает избивать ее, причем не только руками, но и ногами. Выходило не очень смешно. Катя для себя решила, что ни за что и никуда не пойдет. Осталось придумать, как сообщить об этом Дине.

Судьба-злодейка тем временем готовила Кате очередной сюрприз. И это ей, старающейся жить по всем правилам, не совершая опрометчивых поступков, работающей как вол, практически махнувшей на себя рукой во благо всеобщего светлого будущего. Видно тот, кто смотрел на всех сверху, решил, что нужно Катю как следует встряхнуть, чтобы вытащить, наконец, из болота, в которое она медленно, но уверенно погружалась.

Проворочавшись в постели полночи, на следующий день Катя благополучно проспала. За всю сознательную жизнь такое случилось с ней впервые. Она не слышала, как звонил будильник, и проснулась через час после положенного. Времени уже не оставалось ни на что. Наскоро умывшись и причесавшись, она натянула на себя дежурный костюм и рванула к выходу, точнее к верхней одежде. Сорвав пальто с вешалки, она начала торопливо одевать его на себя, чертыхаясь, что когда торопишься, как назло все не получается. Сапоги повели себя хуже некуда. Молния на одном из них категорически отказалась застегиваться. Как Катя ни дергала

ее, она как будто приросла, не сдвигаясь ни на миллиметр вверх. Делать нечего, пришлось надеть осенние ботинки, — не идти же на работу в тапочках.

Чтобы сократить время, Катя решила воспользоваться автобусом. До школы было две остановки, и обычно Катя предпочитала ходить пешком, экономя на проезде, но сегодня на это не было времени. Так и получилось, что она втиснулась в забитый до отказа автобус. Лишь выйдя из него возле школы, она оценила всю степень опрометчивости этого поступка — ее сумка была нагло разрезана, и кошелек в ней и след простыл. Жалко было сам кошелек, Динкин подарок, денег в нем все равно не было, так как зарплата планировалась только двадцать пятого.

На работе коллектив тоже — как сговорился. Все донимали Катю вопросами, не заболела ли она. А она всего лишь навсего не накружилась. При своей неброской внешности без того минимума косметики, что использовала девушка, выглядела она очень бледной. Кожа у нее была мраморной с голубыми прожилками, и Катя регулярно использовала пудру, чтобы придать ей более естественный окрас. А вот огромным голубым глазам Кати с черными ресницами косметика была без надобности. Даже напротив, в те редкие случаи, когда она красила глаза по настоянию Дины, самой себе она казалась вульгарной.

— Катерина, ты плохо выглядишь, — безапелляционно заявил директор, зайдя в учительскую и приглядевшись к склонившейся над сочинениями Кате. — Топай-ка ты домой и сочинения прихвати, там проверишь.

Вот такой он был во всем — благотворительность с пользой для общего дела.

Спорить с ним не разрешалось никому, и Катя не рискнула этого делать. Молча кивнув, она начала укомплектовывать свою просторную сумку, пока не поняла, что ничего не выйдет и сумку, скорее всего, придется выбросить. Дело в том, что разрезали ее от края до края так, что тетрадки по одной выпадали через этот разрез. Пришлось воспользоваться пакетом, любезно предложенным учителем рисования.

Второй раз за день воспользоваться услугами общественного транспорта Катя не рискнула и отправилась домой традиционно пешком. Правда, делать это в осенних ботинках по снегу было холодно и неудобно — ноги постоянно разъезжались на скользкой подошве, и несколько раз девушка чуть не упала.

Как потом поняла Катя, анализируя события этого дня, все утренние неприятности были прелюдией для самой главной, что случилась с ней по пути домой. Катя упала в колодезь! Ей повезло, она зацепилась за толстую трубу, проходящую на небольшом расстоянии от поверхности земли. А вот сумке и пакету повезло меньше — они благополучно полетели вниз, и через какое-то время до Кати донесся глухой всплеск.

Катя вцепилась в трубу обеими руками, одновременно пытаясь подтянуться, чтобы вскарабкаться на нее всем телом. Максимум, на что у нее хватило сил, это подтянуться до подмышечных впадин, но даже это для Кати, с ее не слишком сильными руками, было достижением.

— Помогите, кто-нибудь, — рискнула позвать она, не особо рассчитывая на удачу. Стоял разгар трудового дня, и народу на улице практически не было. Кроме шума проезжающих мимо машин, никакие другие звуки до нее не доносились.

Катя предприняла еще одну попытку взобраться на трубу, которая чуть не закончилась ее падением в зияющую под ней глубину.

— Помоги-и-и-те, — еще громче и отчаянней позвала она. Сил держаться за трубу уже практически не осталось, и Катя стала прощаться с жизнью.

Однако почти сразу же она увидела перед собой руку, показавшуюся ей смутно знакомой, но в тот момент ей было не до размышлений. Она схватилась что есть силы за нее как за спасительную соломинку. Рука с силой потянула ее вверх. Когда Катя зацепилась за кромку колодца, спаситель подхватил ее под мышки и вытащил наружу целиком. Только тут Катя увидела своего спасителя. Почему-то она даже не удивилась, что им оказался тот самый незнакомец, с которым она уже дважды сталкивалась случайно, и оба раза крайне неудачно.

— Опять вы? — мужчина тяжело дышал, стряхивая с себя снег и искоса поглядывая на Катю.

— Я, — угрюмо произнесла она, оглядывая свое пальто, заляпанное бурными пятнами, судя по запаху, мазутного происхождения.

— И часто вы вот так вот падаете? — усмехнулся мужчина, уже более внимательно разглядывая Катю.

— Первый раз, — чуть не плача, ответила она, стараясь не смотреть в эти смеющиеся глаза. Ей было очень стыдно. Это чувство пересилило даже сильный страх, испытанный ею минуту назад. Почему-то именно этого незнакомца она бы не хотела видеть в роли своего спасителя, скорее предпочтя упасть в бездну.

— Где ваша сумка? — мужчина оглянулся в поисках оной.

— Там, — Катя указала на колодец.

— Понятно... Значит, вы еще и ценности потеряли?

— Какие ценности? — Катя шмыгнула носом, и одинокая слеза скатилась по щеке, не удержавшись в глазу, как она не старалась. — У меня там ничего ценного не было. Кошелек и тот украли утром, а сумку испортили... изрезали... Ой, — Катя резко вскинула голову и уставилась на мужчину. — У меня там были ключи от квартиры, единственный экземпляр. Что же мне теперь делать? До Дины ехать больше часа в другой конец города. Да и ее, скорее всего, нет дома, — в данный момент Катя разговаривала скорее с самой собой, чем с кем-то еще, но мужчина ее слушал очень внимательно.

— Предлагаю пойти ко мне, немного погреться и решить, что делать дальше, — он дотронулся до Катиного плеча, выводя ее из состояния глубокой задумчивости.

— К вам? Я не могу. Я совершенно вас не знаю.

— Думаете, я начну мстить за банку кофе? — усмехнулся он. — Не дурите, вам нужно прийти в себя, а я здесь живу недалеко.

— До моего дома тоже рукой подать, — упрямылась Катя.

— А ключи? Как вы собираетесь попасть в квартиру? Взламывать ее будете?

— Нет, у меня железная дверь. Она очень толстая, потому что старая. Ее не взломать.

— Вот видите, — серьезно кивнул он. — Значит, выхода у вас нет.

До его дома действительно было рукой подать. Колодец, в который угодила Катя, находился

как раз в его дворе. Через пять минут они уже заходили в квартиру незнакомца на четвертом этаже монолитной шестнадцатизэтажки.

— Думаю, пальто ваше восстановлению не подлежит, — проговорил мужчина, помогая Кате раздеться.

— Попробую отнести его в химчистку, — ответила Катя, подумав, что химчистка пробьет серьезную брешь в ее бюджете, и еще не факт, что пальто там отчистят. Но на новое у нее в любом случае денег не было, а ходить зимой в куртке холодно.

— Вот это вам подойдет, — мужчина достал из шкафа дубленку и протянул ее Кате. — Кажется как раз ваш размер.

— Я не могу ее взять, — дубленка была новой и очень дорогой, с воротником из натуральной норки, как догадалась Катя.

— Берите, ее никто не носил, — мужчина повесил ее на крючок в коридоре. — Потом наденете. Возражения не принимаются.

После такого подарка Катя почувствовала себя еще хуже. Очень некстати она вспомнила, как он назвал ее пальто дурацким. Конечно, с великолепной дубленкой оно не выдерживало сравнения, да и лет ему уже было прилично. Мужчина тем временем пригласил Катю в комнату, а сам отправился готовить чай с малиной, чтобы избежать простуды, как он выразился.

Комната была очень чистой, но какая-то нежилой. На пустой стене висел большой портрет с изображением женщины, с точно такими же, как и у хозяина квартиры, глазами.

— Это ваша мать? — поинтересовалась Катя, когда он пришел с подносом, уставленным чашками и блюдами.

— Да. Она умерла два года назад. Да, дубленка предназначалась ей, — предвидя следующий Катин вопрос, опередил он ее с ответом. — Как видите, ей она оказалась ни к чему.

— Странно, что я вас не встречала раньше. Я уже давно живу в этом районе, — Катя прихлебывала обжигающий чай, чувствуя, как тепло разливается по телу.

— Я живу не здесь, — кивнул он. — Сюда я приезжаю только в канун Нового года. Это было нашей традицией — встречать Новый год вдвоем с матерью. А когда ее не стало, то не стал нарушать традицию и продолжаю приезжать сюда раз в году.

— А все остальное время кто живет в этой квартире?

— Никто. Соседи иногда навещают и поддерживают в ней порядок, — вот почему квартира показалась Кате нежилой, в ней действительно практически никто не жил. — Как вас зовут? — перебил он ход ее мыслей.

— Катя, — покраснела она.

— Меня Сергей. Хоть познакомимся, — улыбнулся он, — а то последние дни мы только и делаем, что ругаемся.

— Ой, что же я сию! — спохватилась Катя. — Нужно же вызвать слесаря... наверное. У вас

есть телефон?

— В коридоре, — кивнул он на дверь.

Катя позвонила в ЖЭК и вызвала слесаря на адрес Сергея, чтобы не мерзнуть на улице, ожидая работника жилконторы. Это ей тоже посоветовал Сергей. Как ни странно, тот час, что она провела в его квартире, обошелся не только без ругани, но и с пользой для озябшего организма. Они мило болтали ни о чем, пока не пришел изрядно подвыпивший слесарь и Катя не была вынуждена отправиться домой.

Чтобы не проспать, Катя решила лечь пораньше. Как назло, сон не шел, а всякие мысли нахально лезли в голову. Сначала она обдумала все потери «тяжелого дня», как она его окрестила. Сумку не жалко, она все равно была уже старая и до ужаса немодная. Хуже было то, что она не могла себе пока купить новую. Придется какое-то время ходить с пакетами. Конечно, несолидно, но деваться некуда.

Кошелек жалко, Динкин подарок, лакированный, красный... Все, как положено, купюры не сгибаются, а вытягиваются в нем во всю длину. Дина, даря его Кате, сказала, что именно такие кошельки притягивают деньги. Конечно, денег он никаких не притянул, по той простой причине, что их неоткуда было притягивать, но привыкнуть к нему Катя успела. Это была единственная красивая вещь из имеющегося у нее имущества. Теперь деньги придется носить в кармане, пока не купит новый.

С сочинениями дело обстояло хуже. Не заставляй же детей переписывать их, они-то тут причем? И что в этой ситуации делать, Катя не представляла. Придется вынести этот вопрос на педсовет. Ох, и влетит же ей!

Сон все не шел, а мысли плавно сменили направление в сторону ее нового знакомого. Катя вспомнила, как он провожал ее, помогая надевать дубленку матери, и сильно покраснела. Теперь она попала в категорию людей, пользующихся благотворительностью. Раньше она занималась подобным, собирала какие-то старые вещи и раздавала их тем, кто нуждается, а сегодня оказалась в роли этих самых нуждающихся. Тут Катя принялась себя ругать за чванливость и ханжество. Подумать только, благотворительность применительно к своей особе коробила ее. А что тут такого особенного? Ну, помог ей человек, раз была такая возможность. Да любой на его месте поступил бы так же. В конце концов, зачем ему нужна новая дубленка, купленная матери, — висеть и пылиться в шкафу? Судя по всему, отдавать никому он ее не собирался, а тут подвернулась Катя, вот и сделал доброе дело. Уговаривая себя подобным образом, Катя все равно не могла избавиться от чувства стыда, словно она выпросила у него эту дорогую вещь. Усугублял муки совести еще и тот факт, что дубленка ей очень понравилась. В ее гардеробе еще никогда не наблюдалось такой верхней одежды.

Как положено, от дубленки мысли плавно перетекли к ее прежнему владельцу, вернее, сыну владельца. Катя занялась самоанализом, пытаясь определить, какие чувства она испытывает к новому знакомому. Неприязни после первых двух встреч уже не осталось, но настороженность и недоверие сохранялись. Во-первых, он ей не нравился чисто внешне. Слишком смуглый и черноглазый. Мама ей всегда внушала, что черные глаза — недобрые глаза, что люди с черными глазами способны на любую гадость, ни чем не гнушаются. А у Сергея глаза были по-настоящему черными, даже зрачок невозможно было разглядеть. Во-вторых, его нельзя было назвать особенно общительным, никаких вопросов Кате он не задавал и о себе ничего не рассказывал. А в-третьих, она решила, что не стоит и задумываться об этом, так как вряд ли еще встретится с ним когда-нибудь.

Когда, уже передумав обо всем, Катя наконец-то начала засыпать, раздался пронзительный телефонный звонок, взорвавший тишину в квартире. Ну кому приспичило звонить в это время? Катя посмотрела на часы, время приближалось к полуночи. Идти пришлось в коридор, так как телефон у нее находился именно там.

— Только не говори, что уже спишь! — возмутился Динин голос в трубке. — Обычно в это время ты проверяешь свои бесконечные тетрадки...

— Уже не сплю, потому что ты позвонила, — вздохнула Катя, прогоняя остатки сна. — Хотя была такая мысль.

— Колобкова, ты меняешься. Даже не знаю, в лучшую ли сторону?

— Дин, ты зачем звонишь-то? Может, я лучше спать пойду, чем буду выслушивать твои измышления? — Катя поняла, что уснуть пораньше у нее уже не получится. Вмешалась сама судьба в лице подруги Дины.

— Колобкова, я тут подумала, ну, о нашем пари, и решила, что одна ты ни за что не справишься. Так что идем на дело вместе! — это прозвучало, как выстрел. Катя в ужасе застыла на месте, очень ясно представив себе эту картину. Вот они идут по торговому центру, и Дина внимательно изучает каждого представителя мужского рода, как потенциальную жертву выбора. Причем делает она это, не скрывая намерений, и на них уже начинают оборачиваться люди. Тех, кто не подходит, Дина громко высмеивает, не стесняясь в выражениях, а к наметившейся жертве она подлетает без предисловий и сразу же берет в оборот. Кате стало совсем плохо от нарисовавшейся картинке. Она даже схватилась за сердце, у нее вдруг резко закололо в левом боку.

За мгновение в Катиной голове сменились куча картинок, и все они заканчивались дракой, вернее избиением ее и Динки, как в тот первый раз, когда она попыталась нарисовать себе план действий. Нет! Допускать к этому Дину точно было нельзя. Сама она потом как-нибудь отмажется, а вот вопрос с Диной нужно решить прямо сейчас, потом может быть поздно.

— Дин, слушай, я тут подумала и знаешь, что решила? — ласково начала Катя. — Это ведь очень индивидуально, понимаешь? Я имею в виду, выбор партнера. Мне нужно будет последить за выбранной кандидатурой, проанализировать его поведение. Все это займет какое-то время, довольно продолжительное, как я предполагаю. Зачем тебе убивать целый день со мной? Тогда ты не успеешь подготовиться к вечеринке. В салон сходить, по магазинам... Давай, я лучше сама. Я не обижусь, правда, — для пущей уверенности добавила Катя.

На том конце провода возникла небольшая пауза. Видно Дина сейчас взвешивала все «за» и «против» в поисках выхода из сложившейся ситуации. Катя терпеливо ожидала ее резолюции, боясь даже громко дышать.

— Ладно, черт с ней, с прической, — наконец заговорила Дина. — Сооружу что-нибудь себе на голове сама. А платье я себе уже купила, умные девочки думают об этом заранее. Так что, как говорится, я вся в твоём распоряжении. Пользуйся на здоровье!

Не сработало! Следовало срочно придумать что-то еще, как отговорить Дину от затеи идти с нею.

— Слушай, Дин, — предприняла Катя следующую попытку, стараясь держать себя в руках и не срывать на крик, — если ты будешь рядом, я не смогу сосредоточиться на мужчине. Ты будешь меня все время отвлекать. Кроме того, как я буду вести наблюдение? Двоих нас он

сразу заметит, тем более что тебя невозможно не заметить...

— Я буду вести себя тихо, как мышка, — пообещала подруга.

— Дело не в твоём поведении, — перебила ее Катя, хотя именно в поведении и взрывном характере подруги и было все дело. — Дело в твоей внешности. Такую, как ты, невозможно не заметить.

— И что ты предлагаешь? Чтобы я на время превратилась в такую же серую мышь, как ты?

Вежливо, ничего не скажешь. Но Катя не обижалась. К высказываниям Дины она давно уже привыкла. Мышью та стала называть ее со школьной скамьи, как только они вошли в пору юношества.

— Нет, конечно! — успокоила ее Катя. — Я предлагаю тебе не ходить со мной. Обещаю все сделать, как положено. Тебе не придется за меня краснеть.

— Нет, ну я не могу так... Ситуация будет бесконтрольной...

— Обещаю тебе, что все будет под контролем, — поспешно заверила ее Катя, уловив долгожданные нотки сомнения в голосе подруги. — Независимо от того, сколько времени я на это потрачу, я найду себе мужчину, — слово «времени» она произнесла с особым ударением, будто именно в нем и было все дело.

— Ладно, окончательного решения я еще не приняла. Потом вернемся к этому разговору, — но Катя поняла, что для себя Дина уже все решила. Не могла она со своим характером целый день, да еще и праздничный день, провести, бесцельно слоняясь по магазину. Через час она бы уже завывала волком и решила бы, что ее жизнь катится под откос.

Вопреки опасениям, на следующий день Катя не проспала на работу. Будильник прозвенел, как положено, в половине седьмого. Катя успела довести свой внешний облик до привычного лоска, и даже сапог застегнулся с первого раза.

На работе все тоже прошло гладко, как по маслу. За утерю сочинений ее никто не стал ругать, хоть она и не рискнула рассказать о своих приключениях с колодцем, а придумала совершенно фантастическую историю о затоплении ее соседями, причем именно в месте дислокации стопки тетрадей, от чего те пришли в совершенную негодность. Если кто-то из педагогов и подивился этой истории, то виду не подал. По всей видимости, сработал тот факт, что честность Катина была проверена годами, и подозревать ее во лжи никому даже в голову бы не пришло.

С писательским конкурсом дело тоже налаживалось. Поток сочинений явно пошел на убыль, и уже просматривался его хвост. Это значило, что комиссия в единственном Катином лице скоро сможет подвести итог и выбрать победителя.

Единственное, что сильно портило этот плавно текущий день, так это воспоминание о разговоре с Диной и дурачком пари. До тридцать первого декабря оставалось совсем немного, и Катя никогда еще так не хотела оттянуть этот не очень любимый ею праздник. А еще мысли ее нет-нет да обращались к образу Сергея. В какой-то момент она поймала себя на том, что размышляет, где встретит его на этот раз. Отругав себя как следует за излишнюю мечтательность, Катя расстроилась в очередной раз от мысли, что, возможно, никогда его больше не увидит. Потом занялась аутотренингом, внушая себе, что Сергей ей совершенно не

нравится, и глаза у него страшные, и вообще он считает ее дурнушкой.

В общем, когда пришло время отправляться домой, Катя не могла определить, в каком настроении находится, так все перемешалось в ее голове. Одно она знала точно: ей нужно как следует все обдумать, а собственная тихая квартира подходит для этого как нельзя лучше.

Почему-то она не удивилась, издали заметив высокую худощавую фигуру, вышагивающую возле того самого колодца, в который она вчера угодила. Вспомнив, что на ней подаренная Сергеем дубленка, Катя подумала было нырнуть в какую-нибудь подворотню, но вовремя передумала, обругав себя трусихой, так как он уже направился ей навстречу.

— Привет, — крикнул он, еще не поравнявшись. — Я тут подумал, раз мне все равно нечем заняться, пойду-ка, поохраю колодец от посягательств невнимательных девиц.

— Нет уж, — невольно засмеялась Катя. — Второй раз в одну и ту же ловушку я не попадусь.

— Как прошел день? — Сергей подошел поближе, и теперь они разговаривали посреди двора.

— Как ни странно, хорошо, — Катя рассказала про сочинения и лояльность директора, про конкурс и поймала себя на мысли, что готова рассказать ему всю свою жизнь, как будто они знакомы уже тысячу лет.

— Может, зайдём в кафе и выпьем по чашке кофе? — Сергей зябко кутался в полупальто, в то время как Катя чувствовала себя замечательно в длинной дубленке, за что опять мысленно его поблагодарила.

— С удовольствием, — Катя подумала, что прозвучало это так раскованно, словно ее через день молодые люди приглашали в кафе. На самом деле она уже не помнила, когда была в кафе последний раз. Наверное, около года назад, с Диной.

Выбрать кафе не составило проблемы. Совсем рядом было одно под названием «Интеллектуальный соенок». Туда они и направились. Почему интеллектуальный, Катя так и не поняла. Она ожидала увидеть что-нибудь в интерьере кафе, раскрывающее тайну названия, но отделано оно было скорее в буржуазно-мещанском стиле, с многочисленными вазочками и кружевными салфетками, чем в интеллектуальном.

— Мне рассказывали, что кафе пользуется популярностью у местных писателей и любителей читать, — пояснил Сергей, видя ее удивление. — Вы здесь впервые?

— Да. Мне некогда ходить по кафе, — Катин ответ прозвучал слегка агрессивно. Она и сама почувствовала это и сразу же застеснялась. Глупая привычка — стараться защитить себя от всего, даже от чьих-то подозрений ее в бедности, что на самом деле было правдой.

— Скорее, это название сделало его популярным среди литературной братии, — Сергей сделал вид или на самом деле не заметил Катиной агрессии. — Моя мама была писательницей и тоже частенько заходила сюда. Вернее, писательницей называл ее я, — улыбнулся он, помогая Кате усаживаться за стол. — Она занималась переводом иностранной литературы и называла себя переводчиком. А я считаю, что перевести с иностранного языка художественное произведение не каждый сможет хорошо. Для этого нужен талант, и у мамы он был.

— Как интересно! — Катя всегда завидовала тем, кто умеет писать книги, и в вопросе грамотного перевода была согласна с Сергеем. Один раз она даже попыталась написать роман,

частично автобиографичный, о старшекласниках. Только дальше первой главы дело так и не пошло, все застопорилось на описании внешности главной героини. Не себя же ей описывать, а представить кого-то другого, да еще и описать она так и не смогла. И сейчас она представила, как неизвестная ей женщина, чей портрет она видела на стене в квартире Сергея, приходит сюда, выбирает столик возле окна, раскрывает ноутбук и начинает творить, вживаясь в образы героев. И не важно, что она всего лишь переводит с другого языка, пока она пишет, она проживает их жизнь.

— У вас сейчас такое лицо... — Сергей внимательно наблюдал за сменой эмоций на Катином лице, пока она была занята своими фантазиями.

— Какое? — она вдруг испугалась, что могла выглядеть глупой. Может, у нее открылся рот, пока она мечтала?

— Одухотворенное, — нашел он подходящее слово. — И очень красивое.

Вот еще придумал! Так ее точно никто не называл и, наверное, не считал такой. Хорошенькой — возможно, но точно не красивой. Красивая у них Дина, и мнения всех на этот счет единогласно.

Катя подозрительно косилась на Сергея, пока он делал заказ, пытаясь разглядеть признаки иронии на его лице, но он оставался совершенно спокойным. Себе он заказал еще и коньяк, предварительно извинившись и сославшись на то, что замерз, пока ждал ее во дворе.

— А почему совенок? — поинтересовалась Катя, когда бойкая девушка принесла заказ.

— Что? Ох, простите, отвлекся. — В какой-то момент Сергей задумался о своем. По его лицу было видно, что мыслями он унесся далеко отсюда. Хотела бы знать Катя, о чем он думал в тот момент, что его заставило внезапно нахмуриться, а потом едва заметно улыбнуться. Она и вопрос-то задала только потому, что почувствовала себя подсматривающей чужую тайну, так внимательно она за ним наблюдала. — Думаю потому, что работает оно всю ночь, и посетители здесь как совы сидят, вместо того чтобы спать по ночам, — улыбнулся Сергей. — Моя очередь задавать вопросы.

— Что? — удивилась Катя, едва не обжегшись горячим кофе.

— Почему вы сегодня такая грустная? Я думал, что вас в школе кто-то обидел, но вы говорите, что там все хорошо. Значит, причина в другом.

Тут Катя, сама не понимая, как и зачем, рассказала ему про глупое пари и свое отношение к нему.

— Значит, подруга решила, что вы засиделись в девках, и занялась сводничеством, — усмехнулся Сергей.

— Ну, не совсем сводничеством, — улыбнулась Катя, а про себя подумала, что еще только этого ей и не хватает. — Просто у нее пунктик касательно меня. Она считает, что я неправильно живу.

— А вы правильно живете? — уточнил Сергей.

— Живу как живу. Стараюсь не забивать себе голову всякой ерундой, — сказав это, Катя подумала, что в последнее время только и занимается, что думает о разных глупостях.

— И что вы решили?

— Не поняла. Вы это про что? — В мыслях Катя была еще в тех самых глупостях, о которых думала.

— Ну, пойдете вы или нет?

— Естественно, не пойду! — возмутилась Катя, правда, моментально сдвухшись и загрузив. — Только я не знаю, как сказать об этом Дине.

— А почему вы так категорически против этой затеи? Не потому ли, что боитесь? — Катя опять залюбовалась его руками и пальцами, перебирающими тоненькую ножку дорогого бокала с янтарной жидкостью.

— А вы бы пошли?

— Ваша жизнь настолько однообразна, что этот поход влил бы в нее яркую струю. Но вы, скорее всего, боитесь хоть что-то поменять, — он рассуждал, а Кате стало неприятно, что он с легкостью игнорировал ее вопрос и ведет себя сейчас как профессор на лекции по психологии, разбирая по косточкам очередную нестандартную ситуацию. Она не хотела опять ругаться с ним, но волна возмущения в ее душе все нарастала. — Вы закрылись в своей раковине и выползаете из нее один раз в день, следуя на работу. Там вы добросовестно отсиживаете положенное количество часов и быстрее спешите обратно в раковину, — он говорил, прихлебывая маленькими глотками из бокала, не глядя на Катю.

— Это что, мысли вслух? — Катя натянулась, как струна, в любой момент готовая выскочить из кафе. Еще никто, кроме Дины в ее индивидуально-грубой манере, не позволял себе так разговаривать с ней, вернее, о ней. — Какое право вы имеете препарировать мою жизнь?

— Простите, если вам неприятно. Просто я еще никогда не встречал женщин, подобных вам, — он улыбнулся, и это была улыбка друга, а не врага. Катя растерялась, не зная, что ответить. — Вы как будто боитесь жить.

Приехали! Теперь он обвиняет ее в трусости. Они что, все сговорились? Она живет так, как живут миллионы людей, работа — дом, дом — работа. Что в этом особенного? Вот именно, ничего. В ее жизни нет ничего особенного. Вернее, в ее жизни нет ничего и никого. Даже общение с матерью она свела к минимуму — одному разу в месяц. А из друзей у нее одна Дина, которую она всегда старается держать на дистанции, даже примерно не принимая ее образа жизни. Она до смерти боится каких-либо советов, и люди чувствуют это, ничего и никогда ей не советуя. У нее ни с кем из педагогического коллектива не сложились дружеские отношения только потому, что она не впускает их в свою жизнь. Сама Катя в их жизнь тоже никогда не лезет. Если кто-то рассказывает о наболевшем, о каких-нибудь проблемах в семье, Катя всегда держится в стороне от таких разговоров, не дает никаких советов. «Неужели я такая?!» — мысль обожгла сознание. И когда же она такой стала?

— Я ужасна, правда? — неизвестно почему, но этому постороннему мужчине ей захотелось поплакаться в жилетку. Наверное, осознание своего несовершенства наступило слишком резко, и только он находился рядом.

— Вас закрыли, и с этим нужно что-то делать, — он даже не пытался приукрасить действительность, заверив ее, что не все так плохо, что она замечательный человек, просто сама об этом даже не догадывается. Он говорил все как есть.

Катя испытывала противоречивые чувства. Ей было до ужаса обидно, что его голос звучит так равнодушно. Первая реакция на правду родила в ней злость, которую потом сменила печаль. Одновременно с этими чувствами где-то очень глубоко в душе появилась благодарность за откровенность и потраченное на нее время вперемешку с грустью осознания: она никому такая не нужна. Хорошо, что грусть была не на первом месте, иначе бы Катя не выдержала и разрыдалась от жалости к себе.

— Вы можете считать меня ненормальным, но я думаю, нужно попытаться выиграть это пари, — Сергей допил коньяк и аккуратно опустил бокал на стол, не желая расставаться с его ножкой и продолжая вертеть ее пальцами.

— Господи, да как же я могу? — Катя с мольбой уставилась на него, рассчитывая на снисхождение. — Это же глупо, понимаете?

— А вы всегда привыкли поступать умно? Вас больше всего интересует, что подумают о вас люди? Не пора ли совершить хоть маленькую, но глупость, — он улыбнулся, и это разрядило атмосферу, сгустившуюся до критической отметки. — Только вам нужно что-то сделать со своей внешностью, в особенности с прической.

— А что не так с моей прической? — с волосами Катя не церемонилась. Она гладко их зачесывала и собирала в хвост. Природа не наградила ее пышной гривой, да и цвет волос не отличался оригинальностью, самый распространенный русый. Кроме того, ее раздражало, когда волосы лезли в лицо. Поэтому хвост она рассматривала как единственно приемлемый вариант.

— Вам нужно посетить парикмахерскую, а еще лучше какой-нибудь салон красоты, и сделать стрижку.

— Я никогда не была в парикмахерской, а на салоны у меня элементарно нет денег.

— Деньги не проблема, — отмахнулся Сергей. — У меня их достаточно. Могу одолжить.

— Я и так уже должна вам за дубленку, — Кате было неприятно, что Сергей взял на себя роль доброго самаритянина. Кроме того, к деньгам она относилась очень щепетильно и никогда ни у кого не одалживала. Даже Дина уже перестала навязывать ей свою финансовую помощь.

— За дубленку вы мне ничего не должны, — нахмурился он. — Я думал, мы уже сняли с повестки этот вопрос. А с необходимостью занять у меня денег на салон вы должны смириться, так как выхода у вас нет, прическу нужно менять.

— Вам что, больше нечем заняться? — Катя уставилась на него с подозрением. — Зачем вы это делаете? Зачем тратите на меня время?

— А что мне еще делать в городе, где практически нет знакомых? Я в отпуске, свободного времени целая куча, вот и провожу его, как мне хочется. Считайте, что для меня это — развлечение, лекарство от скуки, — грубо, без прикрас, зато откровенно, так, как ей и нравится. Или ей это совсем не нравится? Катя уже и сама не знала, стоит ли ей обидеться на него или нужно поблагодарить его за помощь. — Решено? Завтра идем в салон?

Оказавшись у себя дома, Катя не могла прийти в себя от мысли, что согласилась с практически незнакомым мужчиной пойти в салон и поработать над своей внешностью. Она не понимала, что с ней произошло, и с каких это пор чье-то мнение так на нее воздействует, что она готова изменить своим принципам. Теперь уже она и сама думала, что прическа ее никуда не годна,

что конский хвост пора сменить на что-нибудь более современное.

Сергей встретил ее возле школы после работы. Они решили не тратить время впустую и сразу отправиться в салон красоты «Дикая роза», находящийся неподалеку.

— Интересное название, — Катя нервничала перед ответственной процедурой и говорила первое, что приходило в голову, лишь бы что-нибудь сказать. — Я что, выйду оттуда дикой?

— Ты выйдешь розой, — они как-то незаметно перешли с Сергеем на «ты». Это произошло само собой, и ни один из них не заметил, как и когда. — Не нервничай, — угадал он ее настроение. Они зашли в уютный холл, где за стойкой администратора сидела симпатичная ухоженная девушка.

— Можете ничего не говорить, я и сама вижу, что вам нужно, — улыбаясь, затараторила девушка, едва взглянув на Катю. — У нас вы получите все необходимое. Кстати, вам повезло, сейчас у нас как раз действуют предновогодние скидки, а вот тридцатого и тридцать первого цены взлетят, горячая пора, сами понимаете. А вы располагайтесь на диванчике, — она кокетливо взглянула на Сергея. — Вот там у нас есть всякие журнальчики, можете полистать. Я сейчас девушку провожу и вернусь, угощу вас кофе.

Кате было очень неприятно видеть, как юная красотка кокетничает с Сергеем. Она вдруг резко перестала казаться ей симпатичной.

— Не обращайтесь на меня внимание. Я найду, чем заняться, — вежливо улыбнулся Сергей. — А вот эту красавицу, — кивнул он в сторону Кати, — постарайтесь сделать ослепительно красивой.

Девушка с ресепшена едва заметно поджала губки, а Катя в душе возликовала. Какой он, все-таки, молодец, так вот вежливо и конкретно задвинул на место эту кокетку.

На стрижку Катю взяла нетипичная внешне для представителей этой профессии девушка. Несмотря на отсутствие опыта в цирюльничьем вопросе, кое-какое представление о таких заведениях у Кати имелось. Конечно, чисто теоретическое, почерпнутое из прочитанных книг. Например, она считала, что парикмахер должен служить эталоном: быть ухоженным, приветливым и приятным в общении, ведь парикмахерская — это одно из тех мест, где большинство женщин проводят много времени. Мастер же, внимательно рассматривающая в данный момент Катини волосы, резко отличалась от стандартного стереотипа. Волос на ее голове не наблюдалось, или они полностью прятались под банданой, туго обтягивающей голову. Лицо без грамма косметики выглядело угрюмым и недовольным жизнью. Завершила образ мужеподобная фигура в джинсах и длинной мешковатой футболке.

— Как будем стричься? — басовитый голос отлично вписывался в общий образ. Катя даже улыбнулась, так как ожидала чего-то подобного.

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Я ни разу не стриглась. Сама себе подрезала кончики.

— Ни разу! — такого всплеска эмоций Катя не ожидала. — Это же неприлично! Вам сколько лет?

— Двадцать семь, — Катя даже покраснела, видя ее возмущение.

— Двадцать семь лет, а она сама себе подрезает кончики, — передразнила девушка. — Вы что,

в каменном веке живете?

— Почему в каменном? — Катя чувствовала себя преступницей под ее инквизиторским взглядом.

— Уж точно не в двадцать первом, — она взяла расческу и стала с такой силой расчесывать Катины волосы, что та начала опасаться, как бы не лишиться последних. — Если вы не уважаете себя, то уважайте хотя бы окружающих людей, не смешите их своим видом.

«Да она философ», — подумала Катя. И почему это вид у нее смешной? Возможно, неухоженный, но точно не смешной. С Катиной точки зрения смешной выглядела сама парикмахерша, но говорить об этом она не стала. Странное дело, но несмотря на агрессию странной девушки Катя даже тени обиды не испытывала. Все или почти все упреки она посчитала справедливыми и смело отдалась во власть ее умелых рук, заверив, что даже примерно не знает, как хотела бы постричься.

Отхватив половину длины волос, девушка развела краску и намазала ею Катины волосы.

— Это первый этап на пути к человеческому облику, — улыбнулась она, от чего лицо ее мгновенно преобразилось, стало очень миловидным. — Сидите тридцать минут, потом смываемся и стрижемся. Часы на стене, следите за временем. А я курить и пить кофе. Такой стресс нужно непременно снять чем-то крепким, — она опять улыбнулась и, видя Катино замешательство, поспешила успокоить. — Не переживайте, я скоро вернусь, бежать за мной не придется, — она точно угадала причину Катиного беспокойства. Как она могла показаться Сергею в таком виде, с намазанными и скрученными в гульку волосами?

Тридцать минут пролетели очень быстро. Алина (Катя узнала имя девушки-парикмахера) вернулась и даже передала Кате привет от Сергея. Руки у нее были ловкими и умелыми. Она проделала незамысловатый массаж головы, смывая краску. Стрижка не заняла и получаса, так ловко она орудовала ножницами. Затем незамысловатая укладка. В итоге Катя получила удлиненное каре, а ее волосы приобрели оттенок кофе с молоком, делая глаза намного выразительнее.

— Раз уж вы нашли время заглянуть к нам, — Алина с улыбкой удовлетворения взирала на плоды своих трудов, — то я посоветовала бы вам выщипать брови и сделать маникюр. Судя по всему, этого вы тоже не делали ни разу в своей жизни.

Занимать так занимать, решила Катя и поспешила последовать совету Алины. В итоге, проведя два часа в парикмахерской, она чувствовала себя совершенно другим человеком, более раскрепощенной и уверенной в себе.

О Сергее Катя умудрилась забыть, поэтому слегка удивилась, увидев его, дремлющего на диване в приемной.

— Я закончила, — сказала она, подходя к нему. Спросонья Сергей не сразу понял, кто эта сногшибательная девушка, неуверенно переминающаяся возле него с ноги на ногу.

— Ничего себе! — не сдержался он, когда окончательно проснулся. — Тебя не узнать.

— Это можно считать комплиментом? — улыбнулась Катя.

— У меня нет слов, — с восхищением на лице развел он руками.

Улица встретила сумерками и легким морозцем. Катя зябко поежилась. Внутри парикмахерской она разомлела от тепла и приятных процедур, так что даже теплая дубленка не спасала ее сейчас от морозного трепета.

— Замерзла? — Сергей выглядел бодрым, несмотря на то что успел даже вздремнуть, дожидаясь ее. — Я тут хотел кое о чем тебя попросить... — не очень уверенно начал он, — но раз ты замерзла, то, наверное, лучше проводить тебя домой, чтобы не разболелась.

А вот этого Кате совершенно не хотелось. Вечер был замечательный, хоть и морозный. Ветра не было, и с неба падал снег, неторопливо кружась в свете уличных фонарей крупными хлопьями. В первый раз Катя по-настоящему почувствовала приближение Нового года, как чего-то сказочного и необычного. Даже в детстве она не испытывала такого восторга, как сейчас. А еще благодарности. Она была очень благодарна Сергею, что он заставил ее сменить имидж на более современный и новый. Сейчас она чувствовала себя более уверенно, не такой зажатой, как раньше. Подумать только, если бы она раньше догадывалась, что новая прическа творит чудеса, давно бы уже что-нибудь сделала со своими волосами, вместо того чтобы забирать их в уродливый хвост.

— Я не хочу домой, — честно ответила она, любуясь искрящимся снегом и прислушиваясь, как он хрустит под ногами. — О чем ты хотел попросить?

— Да понимаешь, до Нового года осталась неделя, и я хотел купить елку. Здесь рядом елочный базар, ты не помогла бы мне выбрать красивую и пушистую?

Что правда, то правда, базар был совсем рядом, и Катя каждый день проходила мимо него, возвращаясь с работы. Правда, желания остановиться и полюбоваться лесными красавицами или, что еще более фантастичное, купить одну из них, у нее никогда не возникало. А сейчас ей вдруг этого захотелось с невероятной силой. Без лишних комментариев она потянула Сергея за руку в нужном направлении.

— Удивительная девушка, — засмеялся Сергей, едва поспевая за ней. — Ты всегда так стремительна в своих поступках? — Катя лишь улыбнулась в ответ. Ну не могла она рассказать ему, что еще вчера она была совсем другим человеком и что такой пустяк, как поход в парикмахерскую, изменил ее отношение к жизни.

Так думала Катя, ошибаясь в самом главном. Не поход в парикмахерскую изменил ее жизнь, а тот, кто сподвиг ее к этому. Но она была далека от подобных мыслей, бодро вышагивая возле Сергея с твердым намерением выбрать ему самую красивую елку.

При ближайшем рассмотрении базар разочаровал. Разве это елки? Или вот эта сплюснутая ветвистая доска — разве это сосна с раскидистыми лапами? — возмущалась девушка.

— Ты что, никогда раньше не покупала живую елку? — развеселился Сергей, заметив брезгливое разочарование на лице Кати.

— Не вижу ничего смешного, — обиделась она. — В нашей семье это не было принято.

— Ну а искусственную-то вы ставили? — перестав смеяться, уточнил он.

— Нет, — с вызовом ответила Катя, не обратив внимания на крайнюю степень растерянности на лице Сергея.

Какое-то время они молча ходили по рынку, разглядывая ели.

— Давай вот эту купим, — предложил Сергей, указав на сосну высотой в человеческий рост. — Мне кажется на ней больше веток, чем на всех остальных.

— Да она какая-то совсем не пушистая, — угрюмо ответила Катя, разглядывая то, что еще недавно было самостоятельно растущим деревом.

— Да пойми ты, она такая, потому что их грузят друг на друга, сплющивают, утрамбовывая в грузовики. Дома она отстоится и распушится, вот увидишь.

— Да? — об этом-то Катя и не подумала. — Ну, тогда конечно, давай возьмем эту...

В руках у Сергея сосна выглядела гораздо внушительнее. Благо до его дома было недалеко, так как тащил он ее с трудом, да еще и иголки больно царапали кожу рук, не защищенных перчатками.

— Может, уже зайдешь и поможешь мне нарядить ее? — спросил Сергей, когда они поравнялись с его подъездом, а до Катиного дома осталось пройти через еще один двор. — Выпьем кофе, пока она будет отстаиваться...

Катя почувствовала приближение паники. Как она будет наряжать сосну, если никогда раньше этого не делала? Она даже не знала, с чего следует начинать. Кроме того, на улице уже совсем стемнело, хоть еще и не было поздно. Но к тому времени, как она отправится домой, поздно уже точно будет. А поздно Катя не привыкла разгуливать по улицам, вернее темным дворам, без единого фонаря.

— Я тебя провожу потом до дома. — Он что, телепат? Катя с опаской взглянула на Сергея, но ничего, кроме честности, в выражении его лица не заметила.

Елочка, елка — лесной аромат,
Очень ей нужен красивый наряд,
Пусть эта елочка в праздничный час
Каждой иголочкой радует нас,
Радует нас...

Катя и сама не помнила, откуда она знает строки этой песенки. Кажется, в детстве она смотрела мультик про лесного лешего, поющего ее. Там были еще детишки и хоровод возле елки. Подробности память отказывалась восстанавливать, лишь этот кусочек песни прокручивая в голове.

Сергей бросил сосну на пол в комнате, и, как только она начала потихоньку оттаивать, аромат хвои разлился по всей квартире. Катя даже не подозревала, что так может пахнуть праздником, даже не просто праздником, а Новым годом. У нее закружилась голова. Она даже присела в кресло, переполненная нахлынувшим на нее ощущением счастья. Только чувство для нее это было новое, и названия ему она не знала.

Сергей принес с балкона крестовину и принялся обстругивать топором ствол сосны, подгоняя под нужный диаметр. Катя наблюдала за его умелыми движениями, все напевая про себя эту детскую песенку. Через несколько минут сосна была надежно помещена в крестовину и приняла вертикальное положение, разрешая веткам расправиться, как им того хотелось.

— Пойдем, выпьем кофе, пока она оттаит и обсохнет, а потом нарядим ее, — предложил

Сергей.

Они прошли в небольшую и уютную кухню, где Сергей посадил Катю на самое почетное место, а сам принялся хлопотать возле плиты.

— Я сварю настоящий кофе, как готовила моя мама, с добавлением корицы, — не оборачиваясь, сказал он, насыпая кофе и сахар в медную турку. — Если тебе не трудно, достань из холодильника мандарины и почисть один.

— Зачем? — просьба выглядела необычно.

— Как зачем? — Сергей повернулся к Кате. — Мандарины пахнут Новым годом.

Катя обалдело уставилась на этого взрослого мужчину, не веря, что он всерьез может поддаваться таким детским ассоциациям. Мандарины пахнут Новым годом! Уму непостижимо.

— А чем тогда пахнет сосна? — лукаво спросила она, выполняя его просьбу и очищая мандарин, источающий умопомрачительный запах.

— Тебе этого не понять, — улыбнулся он, помешивая ложечкой кофе и снимая накипь в чашки. — Тебе сколько лет?

— Двадцать семь, — без тени смущения ответила Катя, не догадываясь, к чему это он клонит.

— А мне тридцать семь, — кивнул он. — Десять лет разницы в возрасте делят нас на два разных поколения. Ты уже родилась в период перестройки, когда в магазинах постепенно начало появляться все больше и больше продуктов. Разные импортные конфеты, жвачки и многое другое. Когда ты немного подросла, то начала все это пробовать, относясь к этому естественно. А в моем детстве ничего такого не было. Очереди за колбасой по талонам. Масло по тем же талонам. И пустые прилавки. Вру! — засмеялся он. — В моем детстве были конфеты «Дунькина радость» и сливочное мороженое, очень водянистое. Так вот, к чему это я? Ах, да. Мандаринов у нас вообще не продавалось, а если где-нибудь их «выкидывали» в продажу, то очереди были километровые, на всех не хватало. Зато в подарок, который мама приносила с работы на Новый год, всегда было два мандарина, орехи, ну и еще разные конфеты. Это сейчас мандарины продаются круглый год, а тогда — только перед Новым годом.

Кофе подospel, и Сергей разлил его по маленьким чашечкам. Кате очень нравилась смесь запахов кофе, мандаринов и сосны. Ей было так хорошо, что хотелось плакать, за что она мысленно обругала себя сентиментальной дурочкой.

— Тебе ни за что не дашь тридцать семь, — она попробовала кофе, который оказался замечательным. Корица придавала ему пикантности и ощущение тягучести. — Выглядишь намного моложе.

— Хорошо сохранился. А ты сейчас вообще выглядишь лет на восемнадцать, — улыбнулся он. — Тебе к лицу новая прическа.

— Скажешь тоже, — смутилась Катя и сильно покраснела, поймав его пристальный взгляд. — Динка называет нас старыми кошелками...

— Динку не видел, а тебя старой точно назвать нельзя. Разве что молодой кошелкой. Шучу, — замахал он руками, увидев Катин рассерженный взгляд.

Когда кофе был выпит и посуда вымыта, Сергей предложил начать наряжать елку. Катя не думала, что елочных игрушек может быть так много! Сергей достал с антресоли большую коробку, доверху наполненную новогодними украшениями. Чего там только не было — и сказочные домики, и ежики, и сосульки, и зайчики, и еще много всякой всячины... А шаров таких красивых Катя сроду не видела. Были даже шары с маленькими композициями внутри.

— Мама покупала по одной, две новые игрушки каждый год. Это была традиция, — он достал звезду из коробки и водрузил ее на макушку сосны. — Эта звезда, наверное, моя ровесница. Сколько себя помню, она все время украшала макушку.

Дальше, как объяснил Сергей, следовало развесить гирлянду из фонариков. Перед этим он проверил их, убедившись, что все работает как положено — и горит, и мигает. Наступила очередь мишуры. Катя выбрала на ее взгляд самую красивую, и они обмотали сосну параллельными рядами.

— Теперь можно повесить игрушки? — спросила Катя, преданно и немного по-детски глядя на Сергея. Ей давно не было так весело. Надо же, сколько всего интересного она пропустила в жизни!

— Да! — провозгласил Сергей. — Выбираем самые симпатичные и развешиваем их, как захотим, но только на своей половине! Давай, твоя половина сосны — левая, а моя — правая. А потом посмотрим, у кого получилось красивее.

Как дети, они наперегонки помчались к коробке и стали выхватывать самые оригинальные игрушки. При этом все время хохотали, как ненормальные. Особенно веселились, когда дошли до «нейтральной» территории, невидимо делившей сосну по оси пополам.

Когда процедура обряжания «ели» была завершена, Сергей в торжественной обстановке зажег фонарики и продекламировал детский стишок:

Игрушки разноцветные
Для нас на ней развесили,
И мы глядим на елочку,
И нам сегодня весело.

— Мне пора, — Катя пыталась замаскировать в голосе нотки сожаления. Сегодня она здорово повеселилась, чего не делала даже в детстве. Покидать эту уютную квартиру, где так чудесно пахло, не хотелось. Но оставаться дольше уже было неприлично.

Всю дорогу домой девушка с тоской вспоминала свою квартиру, где было хоть и опрятно, но ужасно скучно. Сергей сдержал слово и проводил ее до самого подъезда. Еще открывая ключом дверь квартиры, Катя услышала залиvistый звонок телефона. Войдя внутрь, она не спешила снять трубку, продолжая раздеваться. Катя догадывалась, кто это может быть. А если догадки ее были верны, то она успеет снять верхнюю одежду и умыться, а через десять минут телефон зазвонит снова.

Катя успела уже поставить чайник, когда снова зазвонил телефон.

— Ты где шляешься?! — первое, что услышала она.

— Привет, Дина. Я тоже рада тебя слышать.

— Я звоню тебе весь вечер, — злопыхала трубка, — а ты не отвечаешь. Я уже собиралась броситься на твои поиски. Где ты была?

Злость Дины была нешуточная. Катя еще никогда не сталкивалась с ее настоящей сердитостью, такой как сейчас.

— Дин, я наряжала елку, — Катя решила, что если начнет увиливать и придумывать себе оправдания, то сделает только хуже. Когда в Дине просыпался детектив, она перла напролом.

— Что? Кать, ты это, сейчас так пошутила? Какую еще елку ты наряжала?

— Не свою, естественно, — хотя что тут естественного, Катя и сама не понимала. — Один мой знакомый купил елку, вернее, мы вместе ее сначала купили, а потом пошли наряжать.

— Куда пошли? К тебе домой?

— Нет, мы пошли к нему домой. Это совсем рядом с моим домом. Там мы нарядили елку, а потом он проводил меня домой...

— Так, так, так... И что же это за знакомый такой у нас появился?

— Дин, не начинай. Мне такой твой тон не нравится, ты же знаешь, — Катя терпеть не могла, когда подруга начинала разговаривать с ней как любящая мать с избалованным ребенком или как умудренная жизненным опытом особа с несмышленищем.

— Ладно, давай серьезно и на чистоту. Откуда появился этот знакомый? И почему я ничего о нем не слышала?

— Потому что познакомилась я с ним совсем недавно. Причем случайно... И рассказывать тут не о чем.

— Колобкова, я что, клещами из тебя должна тянуть информацию? Не можешь сама все по порядку рассказать? Знаешь же, что не отстану. Ладно, говори, когда ты с ним познакомилась?

— Несколько дней назад, — Катя поняла, что Дина не успокоится, пока не вытянет из нее все.

— Хорошо. Где ты с ним познакомилась?

— Я ведь уже сказала тебе: это вышло случайно. Мы столкнулись во дворе, когда я возвращалась с работы, — рассказывать о первых впечатлениях и ссоре Катя не собиралась. Про колодец тоже решила умолчать. Она и сама не знала почему, просто чувствовала, что не стоит этого говорить — и все тут.

— Так. Как зовут этого мужчину? — Дина решила проявлять настойчивость до конца. Катя мобилизовала все свое терпение, зная, что отмазаться не получится. После имени Дина захотела узнать, сколько ему лет, где живет и чем занимается...

Катя задумалась. А что она знает о Сергее? Практически ничего! Их общение сводилось в основном к тому, что она рассказывала о себе, отвечая на его многочисленные вопросы. Причем делала это с удовольствием. Никогда и никому раньше она так много не говорила о себе. Даже Дина не знала о ее жизни столько, сколько теперь знал ее новый знакомый.

— Дин, да я и сама ничего о нем толком не знаю...

— Катя, он женат? — не отставала Дина.

— Не знаю...

— Ты знакомишься с мужиком, идешь к нему домой и даже не поинтересовалась, женат ли он? Ну ты и курица!

— Дин, да это совсем другое, — как ей это объяснить? Катя не относилась к Сергею даже как к хорошему знакомому. Она и сама не могла понять, как воспринимает его. Возможно, как случайного прохожего, мелькнувшего в ее жизни лишь на мгновение?

— С другой стороны, — размышляла Дина вслух, — если бы он был женат, какого фига поперся бы встречать Новый год один, в другой город? Это нужно быть форменным идиотом. Конечно, для холостяка он слегка староват. Но, с другой стороны, чего в жизни не случается... Возможно, он был женат и развелся. Какая-то темная лошадка получается. Катя, а он хоть симпатичный?

— Нет, — Катю этот разговор все больше начинал выводить из себя. Он был ей настолько неприятен, что девушка едва сдерживала себя, чтобы не бросить трубку. — Дин, я спать хочу, очень устала. Давай потом поговорим, ладно?

Видно, Дина поняла, что больше ничего от подруги не добьется, так как пожелала ей спокойной ночи и повесила трубку.

Как раз спать-то Катя и не хотела, хоть и добросовестно улеглась в постель. Сон не шел, как она его ни притягивала. Зато всякие мысли лезли в голову, как она их ни отгоняла. Динин вопрос, симпатичный ли Сергей, не давал покоя. Катя попыталась представить себе его. Слишком смуглый, черноглазый. Фигура вроде неплохая, только слишком какая-то жилистая, что ли. Казалось, он состоит из одних мышц. Волосы длинноваты, на Катин взгляд, и слишком небрежно висят. Возможно, это задумка мастера, рассуждала Катя, побывав в парикмахерской, или желание клиента. Конечно, ему шла такая прическа, но она же делала его и диковатым на вид. Зато руки у него очень красивые, они сразу приковывают к себе внимание. Катя вспомнила, как умело Сергей орудовал этими руками, устанавливая сосну, а потом заваривая кофе и наряжая елку. И вообще, он весь какой-то сгусток энергии. Она поймала себя на том, что улыбается, вспоминая вечер, потом сразу же нахмурилась, обругав себя сентиментальной слабачкой.

Следующей мыслью было, что надо бы узнать о нем побольше: где живет, чем занимается. Дина права, Катя совершенно не владела информацией. А потом она подумала: зачем ей это? Ну зачем ей знать подробности его жизни, если скоро он исчезнет из нее? Вконец запутавшись в собственных размышлениях, она уснула, так и не придя ни к какому решению.

— Катерина Юрьевна, вас не узнать! — примерно такими словами встречал Катю каждый, как только она переступила порог родной школы. И, провожая ее удивленными взглядами, останавливались на месте, разворачиваясь в ее сторону. Находиться в новом амплуа было даже забавно. Катя вспомнила фильм «Служебный роман», сравнивая себя с героиней Алисы Фрейндлих, когда та пришла на работу, полностью преобразившись. Она поймала себя на том, что улыбается так же гордо, как Людмила Прокофьевна в любимом всеми фильме.

День хорош был еще и тем, что пятница. Впереди целых два выходных, которых Катя ждала с нетерпением, против обыкновения, сама не зная отчего. Правда, работы было очень много. На

сегодня в ее классе было запланировано праздничное чаепитие учеников и родителей, посвященное Новому году. После уроков следовало нарядить класс гирляндами, принесенными учениками из дома, сдвинуть столы, расставить вокруг них стулья, в общем, приготовиться к приему родителей. Следовало отрепетировать номера спектакля, подготовленного специально к этому празднику.

Все прошло замечательно. Катя получила еще массу комплиментов, теперь уже от родителей. Ученикам вручили сладкие подарки, закупленные заранее родительским комитетом. Один такой подарок достался и Кате. Она так была тронута, что чуть не расплакалась, впервые в жизни получив сладкий подарок — красочный картонный домик, полный конфет. В завершение вечера ее ученики спели песенку, разученную втайне специально для нее. А представитель родительского комитета от лица всего класса преподнес Кате новогодний подарок — сотовый телефон. Девушка была поражена до глубины души. Оказывается ее шестиклашки настолько внимательны, что заметили, с каким телефоном она ходит, и решили подарить новый.

Домой Катя возвращалась счастливая. Не портил настроения даже полный пакет конкурсных сочинений. Конкурс закончился и, собрав последние работы, Катя взяла их домой, чтобы в выходные, не торопясь, прочитать и подвести итоги. Награждение победителей собирались провести в понедельник, двадцать шестого декабря. Троице финалистам планировалось вручение почетных грамот и памятных подарков в виде наборов юного писателя, состоящих из красочной записной книжки, нескольких шариковых ручек, карандашей и небольшой энциклопедии «Кратко обо всем».

Проходя мимо елочного базара, Катя, сама не зная зачем, решила завернуть туда. Побродив между рядами елок и сосен, она заметила большую кучу обрубленных сосновых веток. Периодически к ней кто-нибудь подходил и отбирал понравившиеся ветки. Катя решила последовать их примеру. Она выбрала три небольшие веточки, а придя домой, поставила их в вазу, и через некоторое время квартира наполнилась неповторимым хвойным ароматом. Жаль только, игрушек у нее совсем не было, украсить ветки было нечем. Но у Кати были соседи — почти все пожилые и отзывчивые люди. Не долго думая, она сходила к бабе Рае, что жила на этой же лестничной клетке, в квартире напротив. Добрая баба Рая с радостью одолжила Кате несколько елочных украшений и даже пучок веселого дождика, чем девушка и украсила новогоднюю икебану.

Весь вечер, занимаясь домашними делами, Катя ловила себя на мысли, что думает о Сергее. Интересно, что он делает сейчас, какое у него настроение, почему не встретил ее сегодня после работы? Не то чтобы она ожидала этого, учитывая, что подобные мысли — верх самонадеянности, но в глубине души теплилась надежда, что и сегодня возможна случайная встреча. Она вдруг осознала, что хочет поделиться с ним новостями. Именно с ним, а не с кем другим, как она делала это в последние дни. Но чуда не произошло. Да и есть ли ему теперь до нее дело? Он и так столько для нее уже сделал, даже денег одолжил. Долг Катя записала на бумаге и положила на самое видное место на письменном столе, чтобы не забыть. В понедельник она должна была получить зарплату, а может быть даже и премию к Новому году дадут, вот тогда и рассчитается.

Мысли Кати прервал звонок в дверь.

— Пятница развратница! — заголосила Дина с порога, но тут же осеклась. — Ой, кто это? Колобкова Екатерина Юрьевна тут проживает?

— Не дурачься, — нахмурилась Катя. — Заходи уже. Незачем делать меня центром внимания

всего подъезда, — она втащила подругу в квартиру.

— Кать, это точно ты? — Дина была не на шутку испугана. — Или ты — Катин клон, усовершенствованная модель, так сказать.

— Очень смешно, — Катя развернулась и пошла на кухню, где готовила жаркое, запах которого Дина почувствовала еще на улице.

Кое-как покидав одежду в коридоре, Дина посеменила за Катей.

— Катюш, у тебя все нормально? — Дина крутилась у Кати под ногами, заглядывая в лицо. — Ничего такого серьезного не случилось?

— Дин, ты совсем сдурела?! — прозвучало непедagogично, но Катя не выдержала. Она едва поборола искушение ударить подругу по лбу большой деревянной ложкой, которой только что помешивала жаркое. — Чего ты устраиваешь бесплатный цирк? Ничего особенного не произошло, подумаешь, постриглась...

— Дела... — в такие моменты Дину нужно было фотографировать. Всегда очень уверенная в себе, в минуты растерянности она выглядела более чем потешно — тарасила глаза что есть силы и смешно вытягивала губы трубочкой. — Тебя же ни за какие коврижки в парикмахерскую не затащишь. Как же так?

— А очень просто, пошла и постриглась, а еще покрасилась и сделала маникюр, — равнодушно перечисляла Катя, вновь переключившись на жаркое. — И даже выщипала брови...

— Выщипала брови?! — взвыла Дина так, что Катя чуть не подпрыгнула от неожиданности, плеснув жаркого на плиту.

— Вот щас как тресну, — замахнулась она на подругу. — Сядь за стол и не мешайся уже. Ходят тут всякие, готовить мешают.

— Выщипала брови, она выщипала брови, — никак не могла успокоиться Дина, сидя за столом и повторяя одно и то же с маской недоумения на лице.

Катя перестала обращать на нее внимание, выведенная из состояния душевного равновесия бурной реакцией подруги. Кроме того, она занялась нарезанием лука, чего делать терпеть не могла, так как сразу же начинала плакать. Шмыгая носом, она орудовала большущим ножом и не сразу заметила, что на кухне стало подозрительно тихо. Обернувшись, она не увидела подруги за столом. Та куда-то незаметно испарилась. Ну и ладно, подумала Катя, так даже спокойнее, пусть займет себя чем-то и не мешается.

— Говори, что произошло, а то я вызову скорую и скажу, что ты сошла с ума, — Катя чуть не выронила нож, услышав эту гневную тираду.

Дошинковав лук и высыпав его на сковороду, она повернулась к Дине заплаканным лицом.

— Дин, перестань уже, — Катя старалась говорить спокойно, полагая, что ситуация недоумения до крайности затянулась. — Я решила сменить имидж, и виновата в этом ты.

— Поясни.

— Мы заключили пари или соглашение, как ты его называешь, которое я намерена

выполнить, — терпеливо поясняла Катя. — А для этого я должна выглядеть хорошо, что я и сделала — пошла в парикмахерскую и привела себя в порядок.

— И все?

— И все, — рассказывать про роль Сергея во всей этой истории Катя не собиралась, не без оснований полагая, что Динины расспросы могут затянуться до самой ночи.

На следующий день Катя встала пораньше, следуя разумной поговорке: «Кто рано встает, тому бог подает». Она заварила кофе, намазала хлеб маслом и, не тратя драгоценное время даром, устроилась за столом, положив перед собой кипу тетрадей. Пора было подводить итоги конкурса «Серебряное перышко». Не успела раскрыть перед собой первую тетрадку, как в прихожей зазвонил телефон. Стрелки часов приближались к половине восьмого. Кому это приспичило звонить в выходной день в такую рань? Лишь один человек мог себе это позволить — Катина мама. В таких вопросах она не церемонилась, и если было нужно, могла позвонить и ночью. Причем понятие «нужно» они трактовали по-разному — то, что в представлении ее матери было «нужно», для Кати являлось не только несущественным, но иногда даже глупым и надуманным. Иногда ей казалось, что мать специально звонит по ночам, чтобы, как она выражалась, встряхнуть дочь от «житейского застоя».

Отложив тетрадь, Катя поспешила ответить, опасаясь, что возможно у кого-то есть действительно серьезная причина беспокоить ее в субботу рано утром.

— Кать, привет. Это Сергей, — услышала она. — Наверное, я разбудил тебя?

— Привет, не разбудил, — Катя не знала, как реагировать. В первый момент она обрадовалась, а потом испугалась. — Что-то случилось?

— Нет, все хорошо. Ты извини, что я звоню так рано, просто проснулся ни свет ни заря, слоняюсь по квартире. Еле дождался, когда удобно будет позвонить, — сердце Кати непривычно екнуло, отзываясь на неожиданную радость. Неужели он до такой степени соскучился, что не мог дождаться утра? — Ты меня слышишь?

— Да, да, я слушаю. А как ты узнал мой телефон? — внезапно сообразила она.

— По адресу, позвонил в справочную, — прозвучало довольно прозаично, слегка остужая трепет Катиного сердца. «А что ты хотела? — обругала она себя. — Чтобы он задействовал секретные службы?» Такая версия развития событий слегка рассмешила ее. — Ты чем планируешь сегодня заниматься?

— Ничем особенным, так... всем понемногу...

— Ты извини, что я спрашиваю, просто мне нужна твоя помощь, — «здрaсте, приехали», все гораздо проще, чем она себе представляла.

— В чем именно?

— Да, тут такое дело... Традиция у нас, у меня и моих школьных друзей. Я тебе не говорил, что родом из этого города и учился в здешней школе. В общем, они позвонили мне и хотят собраться у меня. Мы раньше так делали, когда еще была жива мама. Потом, когда она умерла, я потерял с ними связь. А вчера они, вернее, один из них позвонил... Короче, не могла бы ты мне помочь?

- Да я с радостью помогу тебе, только я ничего не поняла. Что я должна сделать-то?
- Запутал тебя совсем, да? — засмеялся Сергей.
- Есть немного...
- Мне нужно их встретить. Раньше мама всем этим занималась — готовила и все такое, а сейчас... Я ничего в этом не понимаю, не умею.
- Я правильно поняла? Ты просишь меня помочь тебе подготовить все для встречи с друзьями.
- Точно! — выдохнул он.
- Встреча должна состояться сегодня вечером?
- Да.
- Ты еще даже не начинал ничего делать, так?
- Как ты догадалась? — в голосе Сергея угадывалась самоирония.
- Догадалась... Значит так, сколько будет гостей?
- Две пары.
- Что конкретно ты хочешь, чтобы я сделала?
- Предлагаю сходить в магазин, купить все необходимое, а потом ты мне поможешь что-нибудь приготовить.

Ага. Сделай дело, гуляй смело. Все понятно. Ему нужна от Кати конкретная помощь. Если она и оскорбилась, то виду старалась не подавать. В конце концов, она была многим обязана этому человеку. Пора было отплатить ему тем же.

— Предлагаю встретиться у тебя во дворе в десять. Раньше магазины все равно закрыты. А дальше сориентируемся.

Все складывалось удачно, и до десяти она сможет проверить хоть несколько сочинений.

Но в следующие несколько минут Катя поняла, что работать не может. Мысленно она уже прикидывала, что нужно купить и как она это будет готовить. Захотелось организовать все на высшем уровне. Можно приготовить мясо по-французски, порционно; какой-нибудь не очень экзотический и вместе с тем не совсем простой салат, например «Цезарь»; и нужно продумать десерт. Времена, когда в моде были торты домашнего приготовления, прошли. Сейчас в магазинах столько всякой кондитерки продается, что нет смысла ломать голову над этим вопросом. Поэтому проблема со сладким отпадает — торт они выберут в магазине. Ах да, еще нужно обязательно прикупить фруктов, одних мандаринов, которые, если еще и остались у Сергея в холодильнике, будет явно недостаточно. К вину особенно хорошо пойдет виноград. При желании можно даже нарезать фруктовый салат, но это уже как хозяин распорядится.

Ровно в десять Катя подходила к дому Сергея, он уже поджидал ее возле своего подъезда.

— Привет еще раз, — так привычно у него это получилось, как будто они встречались каждый день и занимались общими делами. — Ну что, потопали?

Когда они пришли в магазин и начали заполнять тележку, Катя решила выкинуть из головы все, что она понапридумывала. Но Сергей заявил безапелляционно:

— Спиртное беру на себя, а все остальное — как ты скажешь.

Тут и пригодился Катин план, который она мысленно продумала до мелочей. В магазине было почти все из виртуального списка, кроме винограда. То сморщенное и местами покоричневевшее под названием «Дамские пальчики» больше напоминало недоделанный изюм. Поэтому Катя предложила заскочить на рынок специально за виноградом.

На все про все у них ушло чуть больше часа. В половине двенадцатого, подвязанная цветастым фартуком, Катя уже отбивала мясо. Сергею было поручено чистить картошку, так как он категорически отказался бездельничать.

Так естественно было находиться с ним на одной кухне. Они о чем-то разговаривали, занятые каждый своим делом. Тихо работал телевизор — «для фона», как выразился Сергей. Катя удивлялась самой себе, настолько раскрепощенно она себя чувствовала. Она не постеснялась вскрикнуть, когда случайно сломала ноготь, и громко чертыхнуться, испачкав лицо мукой, обваливая мясо; смело попросила Сергея посторониться, с трудом удерживая тяжелый противень. Все было так привычно, как будто они тысячи раз вместе занимались готовкой.

К четырем часам стол был полностью сервирован. Мясо решили пока подержать в духовом шкафу, а спиртное в холодильнике до прихода гостей в половине пятого.

— Ладно, все готово, я пошла, — Катя развязала фартук и вернула его на место в кухне.

— Как это — «пошла»? — Сергей выглядел растерянным. — Разве ты не останешься?

— Я не могу, у меня дела, — выпалила Катя. Зачем она это сделала, не смогла бы объяснить и через десять лет. Слова вылетели сами собой.

— Но... ты не говорила, что занята сегодня вечером, — растерянность на лице Сергея сменилась огорчением.

— Не говорила, потому что была уверена, что все успею сделать до нашей встречи, — гнула Катя свою линию. Возможно, сказал она так именно потому, что больше всего на свете ей хотелось остаться...

Сергею ничего не оставалось, как отпустить ее.

По дороге домой Катя в сотый раз проигрывала в голове сцену прощания с Сергеем. Перед ее глазами все еще стояло его расстроенное лицо, и она ругала себя на чем свет стоит. Кате было так плохо, как никогда. Хоть беги обратно, что выглядело бы еще глупее, чем ее уход.

В итоге вечер был испорчен окончательно, тетради остались непроверенными и, провалявшись перед телевизором до ночи, Катя не смогла бы потом рассказать, что вещали в тот вечер.

В воскресенье Катя ждала, что Сергей позвонит, но вместо него позвонила Дина и в очередной раз напомнила про пари, чем окончательно испортила ей настроение. Кроме того, тетради с сочинениями прождали весь день в ожидании, что Катя соизволит ими заняться. А соизволила она только вечером, что повлекло за собой ночные посиделки за письменным столом и двухчасовую бессонницу после этого на почве переутомления.

Понедельник выдался морозным. Несмотря на бессонницу, Катя проснулась раньше будильника. Выглянув в окно, залюбовалась сказочно красивыми деревьями, сплошь покрытыми инеем. Термометр показывал минус двадцать. До Нового года оставалось несколько дней, и надежды, что потеплеет, не было. Почему-то вспомнились строки из стихотворения Сурикова:

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало, —
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Почему всегда так получается: если времени в обрез, то успеваешь все, а при наличии его в достаточном количестве под конец начинаешь метаться, как бы не опоздать? Все утро Катя бесцельно бродила по квартире, долго завтракала, с особой тщательностью накладывала макияж. Когда до выхода из дома осталось десять минут, она вспомнила, что нужно достать теплую шапку из чемодана на антресоли, а ее вязаная шапочка не годится для двадцатиградусного мороза. В итоге до школы ей уже пришлось практически бежать, чтобы не опоздать к первому уроку.

Школу лихорадило в преддверии Нового года. Старшеклассники во всю готовились к праздничной дискотеке, которая должна была состояться в среду. Они наряжали столовую снежинками и гирляндами, рисовали Деда Мороза со Снегурочкой, Золотую рыбку, Лешего с Бабой Ягой и других сказочных персонажей на больших листах ватмана и развешивали их по стенам. Педагогический состав тоже находился в приподнятом настроении, ожидая зарплату и планируя, на что потратят премию.

Катю тоже грела мысль о зарплате. Завтра она планировала купить себе новую сумку и, если получится, сапоги, потому что молния на старых опять выкидывала фортели с утра, не желая застегиваться и доводя Катю до состояния тихой паники, так как в осенних она бы просто не дошла до школы, раньше отморозив ноги.

Оглашение итогов писательского конкурса прошло хорошо. В актовом зале директор школы поблагодарил всех участников и вручил призы победителям, а их сочинения были вывешены на доску почета.

К концу рабочего дня у Кати зазвонил сотовый телефон, кажется, впервые с тех пор, как его ей подарили. Она даже не сразу сообразила, что это за мелодичный звук... Оказалось, его издавал ее сотовый. Звонил Сергей и приглашал после школы зайти в кафе, погреться и поболтать. Девушка сразу же согласилась, обрадовавшись до такой степени, что, уходя домой, чуть не забыла пакет с вещами в школе.

«Совенок» встретил их теплом и запахом пищи, от чего у Кати сразу же разыгрался аппетит, тем более что в школе ей, как всегда, удалось перехватить только пару бутербродов с остывшим кофе. Сергей заказал ужин.

— Должен же я тебя отблагодарить за субботу, — поспешил объяснить он, опасаясь, что от ужина Катя может отказаться.

— Кстати, как все прошло? — рискнула спросить Катя, до того решившая не заводить разговор на эту тему.

— Замечательно! Просидели до трех ночи, все никак не могли наговориться...

Почему-то Кате было не очень приятно слушать, как он замечательно провел вечер в кругу своих школьных друзей. Только потом, прокручивая еще раз этот разговор, она поняла, что завидует Сергею, завидует тому, что у него есть друзья, что спустя столько лет они продолжают видеться. А у нее, кроме Дины, никого нет. К своему стыду, она даже забыла фамилии некоторых одноклассников. Изредка встретив кого-нибудь из них случайно на улице, она потом долго мучается, вспоминая имя. Все это она поняла позже, а в тот вечер старалась ничем не выдать своего настроения, слушая, как Сергей захлеб рассказывает о жизни какого-то Мишки, жена которого жутко ревнует, а дочь совершенно не слушается.

— Что ты решила с субботой? — Катя не сразу сообразила, о чем это он. — Пойдешь?

— Наверное, придется, — ответ прозвучал уныло, без намека на энтузиазм.

— Слушай, а давай завтра прорепетируем! — было заметно, что эта мысль его осенила только что. Он отложил вилку с ножом и довольно потер руки. — Пойдем в этот гипермаркет. Ты представишь, что я — тот мужчина, что приглянулся тебе, и попробуешь разыграть свою роль. А я представлю, что ты — совершенно незнакомая женщина, пристающая ко мне со всякими глупостями.

— Вот видишь, — Катя чуть не плакала, — ты уже заранее решил, что это глупость несусветная. Ну как я смогу? Да я с ума сойду от страха, а если на что-то решусь, то потом сгорю от стыда, — Кате стало так плохо от одной только этой мысли, что мгновенно пропал аппетит, и захотелось разрыдаться. — Да что я мучаюсь-то? — она бросила салфетку на стол, внезапно разозлившись. — Какая-то ненормальная придумала совершенную дикость, напившись в хлам, а я должна идти у нее на поводу? Не пойду никуда — и точка!

— Я тебя прекрасно понимаю, — кивнул Сергей. — Если бы мне кто-нибудь предложил подобное, не знаю, как бы я отреагировал. Скорее всего, послал бы его к черту. Но ты ведь уже согласилась? Кроме того, твоя подруга, как я понял, не отстанет от тебя, — заметив, что Катя собирается возражать, Сергей поспешил продолжить. — Я предлагаю тебе посмотреть на все это с другой стороны. Отнесись ко всему как к приключению, несерьезно... Вот ты только представь. На носу праздник, не просто праздник, а Новый год. Кто тридцать первого ходит по магазинам?

— Те, кто готовится отмечать, но не успел купить что-то необходимое из продуктов. А может, кто-нибудь в последний момент пойдет за подарком для своей... любимой, — глаза Кати стали огромными. — Конечно! Ты представь, какой-то мужчина выбирает подарок своей даме, а тут я — «здрассти, давайте знакомиться и не встретите ли вы со мной Новый год». Дикость какая-то!

Сергей захохотал. С соседних столиков стали поглядывать на них с интересом. Но Катю занимало не внимание посторонних, а причина его смеха. Она грозно взирала со своего места, борясь с желанием сказать что-нибудь резкое.

— Можно спросить, что тебя так развеселило?

— Ты бы видела сейчас свое лицо, — все еще смеясь, ответил Сергей. — Ты похожа на грозного зайца, если только зайцы могут быть такими, — и он опять рассмеялся. — А еще я визуализировал все, что ты говорила, и получилось очень смешно.

— Смешно ему, — Катя взяла вилку и угрюмо ковырнула ею еду в тарелке. — Предположим, мне не до смеха...

— Все, все не смеюсь больше, — Сергей поднял руки вверх, ладонями вперед. — Давай

посмотрим на вещи с другой стороны... Ты не должна думать, что все, кто пришел в магазин, пришли туда по делу. Представь, что кто-то не знает, чем занять себя, как скоротать время до вечера.

— Ага. Тогда этот кто-то — ущербный, — продолжала злиться Катя. — Пойти в магазин погулять от скуки, это, по-моему, чересчур...

— Почему ты такого плохого мнения о людях? — теперь уже возмущался Сергей. — Почему ты решила, что если подойдешь к мужчине, он обязательно тебя обхамит. А вариант, что он посчитает все шуткой и развеселится, ты не рассматриваешь?

Такой вариант Катя, действительно, не рассматривала. Как только она начинала думать о предстоящем мероприятии, ее воображение сразу же рисовало картины одну страшнее другой. Поэтому, глядя сейчас на Сергея и видя его сердитое лицо, она растерялась. А правда, почему все должно быть так плохо?

— Запомни, хороших людей больше, — продолжал наставлять он. — И ты встретишь именно хороших людей. Не относись к происходящему слишком серьезно. Если ты сама настроишь себя на развлечение, то оно им и станет. Понимаешь? Даже если эта затея провалится, ты должна, просто обязана получить от этого удовольствие.

Они просидели в кафе до десяти часов, пока Катя не начала тайком зевать и этого не заметил Сергей.

— Пора по домам, — Сергей подозвал официантку и расплатился по счету. — Совсем я замучил тебя нравоучениями. Но на всем сказанном настаиваю, — на его лице появилась мальчишеская улыбка, делающая его намного моложе. Таким его лицо Кате очень нравилось.

Улица встретила их морозом и тишиной, не свойственной этому времени суток. Правда, тишина длилась недолго, видимо ее виновником был светофор, потому что через несколько секунд рев сотен двигателей вернул реальность на место.

Утрамбованный снег скользил под ногами, и в какой-то момент Катя чуть не упала. Хорошо, Сергей успел ее вовремя подхватить. Сильные руки надежно поддержали ее, и невероятно, но Катя даже через кожу дубленки чувствовала их жар. Это было очень приятно. Сергей не отпустил ее, даже когда опасность падения миновала и она смогла стоять самостоятельно. Он приблизил свое лицо к Катину, и в какой-то момент ей показалось, что он ее поцелует. Это длилось несколько секунд, и Катино сердце перестало биться. Она улавливала его дыхание с запахом кофе и чувствовала тепло кожи, практически касающейся ее. Черные глаза вблизи казались еще чернее. Катя почувствовала, что его взгляд проникает ей прямо в душу, читая ее, как открытую книгу. Она начала слегка трястись, то ли от страха, то ли от непонятого желания получить что-то и прямо сейчас.

— Ты совсем замерзла, — прошептал Сергей, на что Катя не нашлась с ответом, во власти все тех же желаний. Она продолжала во все глаза смотреть на него, чувствуя себя глупым кроликом. — Пойдем, до твоего дома осталось совсем чуть-чуть, — Сергей выпустил Катини плечи, но крепко взял за руку, видно опасаясь, как бы она не поскользнулась опять.

Катя вцепилась ему в руку и ни за что не хотела ее отпускать. И не потому, что на улице было скользко, а потому, что она никогда еще не чувствовала себя такой защищенной. Только возле подъезда она была вынуждена отпустить его, боясь показаться глупой и чувствуя себя совершенно несчастной.

Дома, лежа в постели без сна, Катя подумала, что опять забыла поинтересоваться, не женат ли Сергей, как настоятельно советовала ей Дина. С другой стороны, если бы он был женат, разве поехал бы в другой город встречать Новый год в одиночестве? Или он будет встречать его не один? От всех этих вопросов у Кати разболелась голова. Вынужденная принять болеутоляющее, она еще долго ворочалась в постели, пока ее не сморил долгожданный сон.

Катя так волновалась перед «генеральной репетицией», что ее немного подташнивало, когда она подходила к «Жемчужине». Сергей уже ждал ее возле центрального входа, как они и договорились.

— Как настроение? — спросил он.

— Нормально, — прозвучало это довольно жалобно.

— Не бойся. Я не дам тебя обидеть, — Сергей приобнял ее за плечи и на мгновение прижал к себе. — Так. План таков. Заходим порознь. Сначала пойду я, затеряюсь в толпе, а потом иди ты и действуй, как считаешь нужным.

— А как я тебя найду? — растерялась Катя. — Там же куча магазинов!

— Об этом-то я не подумал, — Сергей почесал подбородок, с пробивающейся щетиной. — Правда, так можно и потеряться. Тогда давай так, — подумав, продолжил он, — проигрывать сцену будем в продовольственном супермаркете. Согласна?

— Мне все равно, — еще жалобнее ответила Катя. Вся затея ей опять начала казаться до ужаса бредовой.

— Эй, ну ты чего совсем раскисла-то? — Сергей встряхнул ее за плечи. — Это же всего лишь репетиция. Да даже если бы и нет. Не накручивай себя. Хоть на мгновение почувствуй себя центром Вселенной, — он так просто рассуждал и по-доброму улыбался, что Катя согласна была весь день простоять вот так возле центра, на морозе, обнявшись с ним, лишь бы никуда не идти и ничего не предпринимать. Почему она должна добровольно кидаться волку в пасть? И почему такие моменты не могут длиться вечно? — Катя, очнись, — Сергей наклонился к самому ее лицу. И опять Кате показалось, что он ее сейчас поцелует. И вдруг она поняла, что ужасно хочет этого. Она и вчера этого хотела, только не отдавала себе отчета. А сейчас эта мысль созрела в ней окончательно.

Его губы были совсем близко. Кате достаточно было сделать малейшее движение, чтобы прикоснуться к ним своими. Но она не могла. Не могла она поцеловать мужчину первая. А если он оттолкнет? Если скажет, что она сошла с ума? Если она испортит все то хорошее, что появилось между ними в последнее время, одним неосторожным движением? На глаза навернулись слезы — злые слезы растоптанных желаний.

— Нет, так дело не пойдет, — Сергей потянул ее к дверям торгового центра. — Ты совсем расклеилась и к тому же замерзла. Пошли греться в какое-нибудь кафе. Не знаешь, там есть кафе? Я тут ни разу не был...

Кафе там было, и Катя об этом сообщила, обрадовавшись, что не нужно прямо сейчас начинать репетировать. Не в ее характере было встречать неприятности с открытым забралом. Она предпочитала обходить их стороной. А пари она считала крупной неприятностью.

Устроившись за маленьким столиком уютного кафе, расположенного в огромной фудзоне

центра, Катя загрустила еще сильнее. Ей вдруг до ужаса стало жалко себя, своей никчемной жизни, одиночества и еще многого, чему она не находила определения.

— Да, дела... — закончив внимательно-придирчивое разглядывание ее лица, произнес Сергей. — По-моему, кофе тут не поможет. Тебе нужно что-то покрепче. Пойду узнаю, не наливают ли тут коньяк, — возразить Катя ничего не успела, он резко встал из-за стола и отправился в сторону раздаточной.

Через несколько минут он вернулся, победно улыбаясь, с двумя бокалами, в которых был коньяк, и мясной нарезкой в качестве закуски.

— Да тут все, как в лучших домах... — Сергей придвинул к Кате бокал. Коньячные пары моментально ударили в нос, заставив ее скривиться. — Не любишь коньяк? — улыбнулся Сергей.

— Не люблю спиртное, — ответила Катя, некстати вспомнив недавнюю попойку.

— А я из всех напитков предпочитаю этот. Моментально помогает снять напряжение, и нет такого неприятного послевкусия, как после водки, — Сергей пригубил из своего бокала, и Катя неуверенно подняла свой. — Пей, не бойся. Тебе сразу станет легче.

Катя сделала небольшой глоток обжигающей жидкости. Она и раньше пробовала коньяк, Дина была большим поклонником этого напитка. Но в компании Сергея он не показался ей таким отталкивающим. Крепким — да, продирающим насквозь — да, но не противным. После пары глотков на самом деле стало немного легче, и затея со знакомством в магазине уже не казалась Кате уже такой абсурдной.

— Полегчало? — Сергей заел мясом очередной глоток. — Настроение улучшилось?

— Вроде, — Катя тоже уже допивала содержимое бокала. Хмель окрасил действительность в розоватые тона. Едва заметно о себе напомнили недоразвитые зачатки тяги к приключениям в характере Кати. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что хочет проиграть сцену со случайным знакомством с Сергеем.

— Начнем? — не очень уверенно предложил он.

— А давай! — сдабривая голос бодростью, ответила Катя.

— Тогда я пошел. А ты спускайся через десять минут.

Провожая Сергея взглядом, Катя сожалела, что сегодня не тридцать первое и этим случайным незнакомцем не может оказаться Сергей. Она привыкла к мысли о нем. В последние дни он здорово скрашивал ее одиночество. Она ждала его звонков, и ей нравилось разговаривать с ним обо всем. Сергей ничего не рассказывал о себе, но Кате казалось, что она и так все про него знает. Девушка умудрилась так к нему привыкнуть, что, когда он уедет, ей придется заново учиться жить без него.

Послушно выждав десять минут, Катя направилась к эскалатору. Фудзона находилась на третьем этаже центра, а продовольственный супермаркет — на первом. В эти вечерние часы в супермаркете было довольно оживленно. Занимаемая им площадь тоже тянулась не на одну сотню квадратных метров. Катя поняла, что Сергей специально усложнил ей задачу, не сказав, где именно он будет ее ждать. Разумно. Нужно побродить возле прилавков, пообвыкнуться с образом искательницы мужчины. К чему Катя и приступила. Она не спеша двинулась вперед,

делая вид, что выбирает нужный ей товар, а на самом деле приглядывалась к окружающим ее мужчинам. Вон стоит вроде симпатичный такой брюнет с кокетливой бородкой. Хамом не выглядит, пропойцей тоже. Одет скромно, но со вкусом и аккуратно. Что он там выбирает? Это тоже важно, так как пристрастия в еде могут многое сказать о человеке. Так, выбирает он, похоже, соус из многообразия бутылочек разной формы, стоящих перед ним. И о чем это говорит? Да ни о чем! Также мне психолог, обругала себя Катя. Кто в наше время не покупает разные соусы как приправу к пище? Даже она любит покупать ткемали и есть с ним жареную картошку. Как это характеризует ее характер? Как зануду, пытающуюся любовь к тем или иным продуктам превратить в кревоугодие.

Катя решила сменить тактику и обратить внимание на жестикуляцию и взгляды выбранного объекта. Ей сразу же бросилось в глаза и ужасно не понравилось, как мужчина потирает руку об руку и приглаживает бородку. Это выглядело как-то себялюбиво. Проблема отпала сама собой, когда к мужчине подошла пышная блондинка, судя по всему жена, и потащила его к другому прилавку.

Схватив банку зеленого горошка, благоразумно рассудив, что понадобится для салата, Катя двинулась дальше. На этот раз ее внимание привлек спортивного вида парень. Ей понравилось выражение веселья на его лице. С таким лицом человек не может быть плохим. Парень взял коробку конфет в форме сердечка. Катя разочарованно вздохнула — ну кому он может их покупать? Конечно, своей девушке. Да и не может быть, чтобы у такого парня не было девушки.

Энтузиазм постепенно пошел на убыль. На кого бы Катя не смотрела, моментально замечала какие-то недостатки: тот ростом не вышел, у этого ей шапка не понравилась, у третьего лицо слишком бледное, а у четвертого растет брюшко, несмотря на относительную молодость. Так продолжалось приличный промежуток времени, пока возле молочного прилавка Катя не заметила Сергея. Он ее не видел и делал вид, что выбирает сыр. Катя им залюбовалась. Всем хорош — и ростом, и фигурой, и одет как надо. А какая манера держать себя, с неброской гордостью, как у потомка аристократического рода. Внезапно Сергей улыбнулся, и Катя моментально прозрела. С прозрением пришла боль. Сердце так защемило в груди, что трудно стало дышать. Она его любит! Как же она раньше не догадалась об этом? И как такое могло случиться, что случайный знакомый стал ей дороже всех людей на свете?

Катя спряталась за стойку с французским шампанским, чтобы Сергей ее не заметил. Что ей теперь делать? Осознав всю беспросветность своего чувства, Катя не могла теперь подойти к нему и начать разыгрывать сцену знакомства. Да он сразу догадается обо всем по ее виду. Она просто не сможет смотреть на него, чтобы не разрыдаться от горя. Ей нужно все как следует обдумать и приучить себя к мысли, что Сергей только друг и ничего больше.

Прячась за стеллажами и постоянно оглядываясь, Катя направилась к выходу. Самое главное сейчас для нее было, чтобы он не заметил, как она удирает. Только когда она оказалась за пределами супермаркета, Катя позволила себе немного перевести дух и подумать, что ей делать дальше. На выручку подоспело воспоминание, что она планировала купить сумку и прицениться к сапогам. Она точно знала, что на втором этаже есть магазин «От мала до велика», где выбор сумок просто огромен. Туда Катя и направилась.

Совершенно машинально перебирая сумки, Катя не фиксировала ни одной детали, думая лишь о том, что решил делать Сергей, когда понял, что она не придет. Наверное, уже ушел домой, проклиная на чем свет стоит, что зря потратил столько времени. Вот и хорошо! Хорошо, если он обидится до такой степени, что больше никогда ей не позвонит и не встретит на улице. Так

ей будет легче забыть его, хотя... вряд ли у нее получится его полностью забыть. Такое не забывается, учитывая, что это случилось впервые в жизни. Катя заставила себя сосредоточиться и выбрала сумку, удобную во всех смыслах и достаточно вместительную. Цена тоже была приемлемая.

Большой обувной магазин располагался совсем рядом. Как Кате ни хотелось оказаться дома, под защитой родных пенатов, она заставила себя внимательно рассмотреть прилавки с зимней обувью и даже примерила несколько пар. Одни сапоги были ей как раз в пору и стоили не очень дорого. Прикинув, сможет ли прожить на оставшиеся от зарплаты и премии деньги, Катя решила купить и сапоги. В глубине души она надеялась, что покупки поднимут ей настроение. Если верить психологам, то существует даже шопинг-терапия, способная побороть депрессию. Катя не считала, что близка к состоянию депрессии, но чувствовала себя до крайности плохо. Идя с покупками домой, она с грустью констатировала, что от мысли об обновках легче ей не становится, и это лишний раз убедило ее, что она является овцой в стаде баранов.

Сергея она заметила издалека. Он мерил шагами расчищенный от снега пятачок возле Катиного подъезда. Катя снизила скорость до уровня черепахи, но все равно была вынуждена подойти к подъезду, сверливая хмурым взглядом Сергея.

— Сбежала, да?!

Катя затормозила на минуту, а потом, слегка отпихнув его плечом, открыла дверь в подъезд. Ну и что, что ее бедное сердце чуть не разорвалось от радости в первый момент, когда Катя заметила Сергея. Ну и что, что разглядев его взгляд, ее бедное сердце обливалось слезами горя. Она будет вести себя хладнокровно, чтобы он ничего не заметил, а для этого нужно всего лишь сохранять угрюмое молчание.

Если Катя надеялась, что он от нее отстанет, то напрасно. Сергей последовал за ней в подъезд, сохраняя минимальную дистанцию, чтобы только не наступать ей на пятки. Захлопнуть перед его носом дверь квартиры Катя не рискнула, а спрашивать разрешения зайти никто не собирался. Сергей просто молча переступил порог и сам захлопнул дверь. Катя рванула к выключателю, опасаясь сама не зная чего. Вспыхнул свет, и какое-то время оба усиленно моргали, пока не привыкли глаза.

— Можешь объяснить, что произошло? — Сергей застыл возле порога, сердито наблюдая, как Катя снимает верхнюю одежду.

— Нет, — не глядя на него, ответила Катя и пошла на кухню. Внутри у нее бушевала настоящая буря, но внешне она выглядела совершенно спокойной. Она включила чайник и прислушалась, из коридора не доносилось ни звука.

— Так и будешь играть в молчанку? — от неожиданности, что голос Сергея прозвучал так близко, Катя чуть не выронила чайник.

— Что ты хочешь услышать? — она поставила чайник на плиту и включила ее.

— Почему ты ушла и мне ничего не сказала?

Пока Катя думала, что ему ответить, Сергей подошел к ней вплотную и развернул к себе лицом.

— Ты считаешь, что поступила нормально? — он продолжал удерживать ее за плечи, и в его голосе появился метал.

Катя и рада была бы ему ответить, но ее словно застопорило. Его руки буквально прожигали кожу через тонкую ткань блузки, а запах его джемпера лишал способности соображать. Возбуждение нахлынуло на нее такой мощной волной, что она испугалась, как бы не потерять сознание. Проклятый тестостерон! От усилий сдержать себя на глазах у Кати выступили слезы.

— Ты плачешь? — опешил Сергей, заметив, как из Катиного глаза скатилась одинокая слеза.

— Нет, — она затрясла головой что есть силы.

— А это что? — он вытер слезу и показал ей мокрый палец.

— Это случайно...

— Ну что ты мелешь?! — Сергей встряхнул ее за плечи. — Ты можешь толком рассказать, что произошло? Тебя кто-то обидел там? Ты не смогла найти меня в толпе покупателей? — громкость его голоса приближалась к крику. Катя уже не могла сдержать слез, они без остановки струились по щекам. Она мысленно молила, чтобы он убрал руки, и боялась сказать об этом вслух. — Господи! За что мне все это? — Сергей схватился за голову и заметался по кухне, что позволило Кате немного успокоиться. Сыграл роль и фактор неожиданности — она не ожидала от всегда сдержанного Сергея такой яркой вспышки эмоций. — Почему ты молчишь?! У меня такое чувство, будто я тебя пытаю, — если бы он знал, как близки к правде его слова. С момента, как она призналась самой себе в любви к Сергею, любой контакт с ним был равносильна пытке. Она предполагала... Нет, она была уверена, что не нужна ему, и не могла с этим смириться, поэтому выбрала единственно возможный путь — больше никогда его не видеть, а он пришел к ней домой, что уже само по себе было очень интимно. — Катя, ну скажи что-нибудь, — он вновь подошел к ней и заглянул в лицо, подняв его за подбородок. От его прикосновения у Кати опять задрожали губы и глаза наполнились слезами. Этого он уже не мог вынести. Он поцеловал ее долгим и требовательным поцелуем. Она ответила на поцелуй, не отдавая себе в этом отчета, захваченная водоворотом эмоций от прикосновения его горячих губ.

— Ты ничего мне не скажешь, правда? — спросил он, когда смог оторваться от ее губ. Она покачала головой, не в силах взглянуть на него.

Что было потом, Катя запомнила очень смутно. Кажется, он еще что-то сказал, а потом она услышала, как хлопнула входная дверь. «Вот и все», — пронеслось у нее в голове.

В среду Сергей не позвонил и не пришел. Весь день на работе Катя занималась аутотренингом. Так лучше, так лучше, внушала она себе. Все разрешилось само собой. Со временем она его забудет. Но стоило ей только вспомнить о поцелуе, как вся защита рушилась. Усугубляла горе еще и мысль, что это был поцелуй жалости. Катя испытала настоящее унижение, проанализировав события того вечера. Она поняла, что он догадался обо всем, прочел любовь в ее глазах и поцелуй явился утешительным призом для глупой Кати.

На вопросы педагогов и учеников Катя отвечала невпопад, пока те не догадались, что с ней что-то происходит, и не перестали приставать. Одним словом, когда непозволительно длинный рабочий день закончился, Катя с такой радостью покинула стены учебного заведения, как никогда до этого.

По дороге домой она никуда не заворачивала, проигнорировав даже тот факт, что у нее закончился хлеб. Все равно, кусок в горло не полезет, а сухари сушить вроде ни к чему.

Придя домой, Катя сразу же завалилась в постель, решив проспать до следующего утра, чтобы ни о чем не думать. Но ее желанию не суждено было осуществиться, так как около восьми часов нагрянула Дина, делая Катину унылость шумной.

— Новый год, он не ждет. Он у самого порога. Пять минут пробегут, их осталось так немного. Милый друг, поспеши! Зря терять минут не надо! Что не сказано — скажи, не откладывая на год, — пела Дина хорошо поставленным голосом, пока Катя умывала заспанное лицо.

Ее подруга ни на грамм не испытывала угрызений совести, что нарушила оздоровительный сон Кати. У Дины, как всегда, настроение зашкаливало и эмоции били через край. За пять минут, что Катя пробыла в ванной, она успела побывать везде — и на кухне, ставя чайник, и в комнате, поправляя игрушки на елке, и даже в ванную заглянула, чтобы поторопить подругу.

— Колобкова, я все-таки решила еще раз спросить, не желаешь ли ты встречать Новый год со мной? — Дина развела кофе в чашках и поставила их на стол. По-хозяйски открыла холодильник и достала конфеты. Заметить, что у Кати плохое настроение, она была не в состоянии. Динин темперамент, существенно отличающийся от Катиного, никогда не находил точки соприкосновения с ним. Она просто не понимала, как настроение может быть плохим, ведь с ней такого не случалось. Катя завидовала подруге по-доброму. Из всех ее многочисленных малознакомых людей самому близкому человеку повезло родиться таким жизнерадостным.

— Нет, Дин, не желаю, — Катя вцепилась в горячую чашку, пытаясь согреться. Ее колотил озноб, то ли от недомогания, то ли со сна.

— Очень жаль, — веселый тон Дины никак не соответствовал тому, что она говорила. — Мне будет тебя не хватать, впрочем, как всегда. Каждый год одно и то же — я зову ее, а она отказывается.

— Не думаю, что ты будешь скучать без меня, — буркнула Катя, втягивая в себя горячий кофе. — Там, наверное, соберется человек сто народу, а знакома ты всего с половиной. Так что будет, чем заняться, — Катя ругала себя за сарказм, который не могла скрыть, и успокаивала тем, что Дина ничего не замечает.

— Зря ты так, Колобкова. Я по тебе все время скучаю. А знаешь, почему?

— Потому, что я такая смиренная и возле меня ты отдыхаешь душой?

— Не угадала. Потому, что я тебя люблю! — Дина перегнулась через стол и звонко чмокнула Катю в щеку.

Кате стало еще больше стыдно, Дину она тоже любила, а вела себя сейчас просто недостойно.

— Дин, может ты придешь ко мне первого? — попыталась загладить вину Катя.

— Не могу, Котенок, — очень редко Дина называла Катю уменьшительно-ласкательной производной от имени. — Я поэтому сегодня и пришла, что увидимся мы теперь с тобой только десятого января.

— Как десятого? — эта новость по-настоящему удивила Катю. И сильно расстроила, потому что впереди были новогодние каникулы, и Кате, как выяснилось только что, придется провести их в гордом одиночестве, не считая похода к маме второго января, как она делала из года в год.

— Да, — Дина притворно вздохнула. — Завтра у меня целая куча дел, послезавтра сама понимаешь, а первого мы с Петро уезжаем на Канары. Прилетим обратно только десятого, и я сразу прибегу к тебе с кучей подарков.

Петро — это новый Динин хахаль. Катя его ни разу не видела. Впрочем, она почти никого из Дининых хахалей не видела, за исключением двух-трех.

— Не нужны мне подарки, лучше сама возвращайся, — Кате стало очень грустно.

— Как не нужны? — картинно удивилась Дина. — А я тебе как раз один принесла...

Катя понадеялась, что это не что-то заоблачно Дорогое. Несколько раз у них с Диной случались ссоры из-за этого, когда та пыталась ей подарить машину и даже предлагала улучшить квартирные условия.

— Раз сотик тебе подарили детишки и их родители, то я придумала кое-что другое, — Дина хитро улыбалась. Она вскочила и побежала в коридор. Вернулась на кухню с небольшим свертком и торжественно протянула его Кате. — Это тебе с наступающим Новым годом.

— И что же там? — Катя повертела сверток, разглядывая красивую новогоднюю упаковку.

— Посмотри. Мне интересна твоя реакция.

Жалко было нарушать целостность и разворачивать такую красоту. Но Катя знала, если она сама не развернет, то за дело примется Дина с вандализмическим рвением. Катя аккуратно отклеила скотч и развернула упаковочную бумагу. Внутри была небольшая коробочка. Катя сразу поняла что это. Несколько лет назад Дина привозила ей из Турции духи. Тогда Катя влюбилась в аромат. А когда они у нее закончились и она решила купить себе еще, оказалось, что продукция этой фирмы на российском рынке не представлена и вряд ли будет представлена когда-нибудь. С тех пор Катя даже подзабыла, как они великолепно пахнут.

— Где ты взяла их? — Катя отвинтила стеклянную крышечку на притирке и робко вдохнула восхитительный аромат. — Их же у нас нигде не продают.

— У сильных мира сего свои источники! — Дина с довольной улыбкой взирала на подругу. — Рада, что сумела угодить.

— Спасибо, Дин, — Катя почувствовала, как немного оттаяла. — У меня тоже есть для тебя подарок, — она долго мучилась, придумывая, что можно подарить Дине, у которой все есть, и решила связать ей варежки. Не просто варежки, а эксклюзив. Она собрала всю шерсть, которая была у нее дома, купила еще несколько мотков сочных оттенков и из всех этих цветов соорудила нечто абстрактное и очень яркое.

— Какая прелесть! — глаза Дины загорелись восторгом от вида пестреющей красоты. — Да это же настоящее произведение искусства — авангардное полотно!

— Носи на здоровье и не теряй.

— Эти не потеряю, — надо сказать, что перчатки Дина теряла с завидным постоянством. Она покупала себе дорожные из шелковистой на ощупь кожи и умудрялась потерять одну из пары на следующий же день. — Слушай, я тут подумала, — лицо Дины стало непривычно серьезным. — В общем, ты прости меня за прессинг, что заставила подписать это глупое пари... Да еще и названивала тебе каждый день и напоминала о нем, зная, как отравляю

жизнь. Я подумала, ну его на фиг. Не ходи ты никуда... Ладно? А принц твой как-нибудь сам найдется, не старуха же...

«Ну уж нет!» — решила Катя. После таких слов подруги она точно пойдет в этот чертов центр и снимет какого-нибудь мужика. А если не пойдет, то может смело распрощаться с остатками уважения к себе. Особенно после слов о принце, которого, в чем Катя была абсолютно уверена, никогда не встретит по той простой причине, что встретила уже, но их жизненные пути проходили параллельно, нигде не пересекаясь.

Накануне тридцать первого уроки в школе сократили. После уроков директор собрал весь педагогический состав в актовом зале, душевно поздравил с наступающим Новым годом и распустил на каникулы.

Катино настроение даже отдаленно не смахивало на предпраздничное. Она еще никогда до такой степени не хотела, чтобы не наступал Новый год. Вернее, даже не сам Новый год, а день, считающийся последним в уходящем году.

Последний раз Катя чувствовала себя так накануне защиты диплома. За день до этого ответственного мероприятия она потеряла аппетит и не могла заставить себя подумать о чем-нибудь другом, постоянно репетируя вступительное слово и обыгрывая варианты ответов на различные вопросы, которые могут быть заданы ей членами комиссии. Только тогда у нее уже была положительная оценка рецензента и пятерка по предзащите. Сейчас было сложнее в том плане, что она даже примерно не знала, как будут развиваться завтрашние события и можно ли к ним как-то подготовиться.

В попытке отвлечься от грустных мыслей Катя затеяла генеральную уборку в квартире с мытьем дверей и шкафчиков, чисткой сантехники и выбиванием дорожек на морозном воздухе. Она трудилась пять часов подряд, и к восьми вечера квартира ее блестела и была полностью готова к встрече Нового года. Чего нельзя было сказать о Кате. Ее душевный настрой пришел в еще больший упадок, заставляя удариться в такую крайность, как лепка пельменей. И все было нормально, пока Катя крутила фарш и замешивала тесто. Но как только очередь дошла до непосредственно лепки, руки, занятые монотонным процессом, освободили место мыслям о завтрашнем походе в гипермаркет «Жемчужина».

Крайне измученная морально и физически, около двенадцати часов Катя добралась до постели и провалилась в спасительный сон, не забыв завести будильник на семь утра.

Вот и настал он — самый дикий день в Катиной размеренной жизни, который принесет ей позор и разочарование, в чем она была абсолютно уверена. Когда она проснулась от звонка будильника, первой мыслью была залезть с головой под одеяло и не вылезать оттуда до самого вечера. Обругав себя за малодушие, Катя встала с постели и поплелась в ванную, где долго таранилась на сонно-испуганное отражение в зеркале. Далее следовал не менее мучительный процесс вливания в себя кофе и прожевывания бутерброда, чтобы избежать обморока от волнения вкупе с голодом.

Для Кати было очень важно не опоздать, так как опаздывать она в принципе не любила, тем более если речь шла о деле чести, каким Катя считала сегодняшний поход в гипермаркет. Она и сама не понимала, что пытается доказать себе этим поступком. Одно она знала точно — идти нужно!

В половине десятого она вышла из дома, а ровно в десять входила в современное стеклянное

здание под названием «Жемчужина». Как она и предполагала, тридцать первого декабря с самого утра народу в центре было очень много. Кто-то пришел сюда явно по делу и очень спешил. Были и такие, что решили скоротать таким образом этот день — бродя среди роскоши и избытка, настраиваясь на праздничный лад. Катя позавидовала первым и посочувствовала вторым. На месте скучающих она бы предпочла сидеть сейчас дома, смотреть телевизор и спокойно ждать наступления Нового года со всем тем новым, что он с собой несет.

Как ни странно, чувствовала она себя намного лучше, чем накануне вечером. Когда наступил момент действовать, она резко успокоилась и решила — будь что будет. В конце концов за просмотр денег не берут. Походит она, посмотрит и если почувствует, что совсем не может, уйдет домой.

Настроив себя таким образом, Катя решительно направилась в продовольственный магазин, как и было запланировано ранее. Оказавшись там, она сразу же загрустила, вспомнив совместный поход сюда с Сергеем и чем он для нее закончился. Уже два дня, как он не звонит, и, наверное, не позвонит больше никогда. Она даже не знала, какого числа в январе он планирует уезжать, так как спросить об этом не удосужилась. А о чем она вообще его спрашивала? Ни о чем. Катя только сейчас сообразила, что их общение носило странный характер. Особенно странным это выглядело с ее стороны. Такое впечатление, что ей достаточно было одного его присутствия рядом, все остальное отходило на задний план. Но так оно и было. Ей очень удобно было с ним рядом. Не считая первых двух встреч, все остальное время она наслаждалась его обществом, впитывая его в себя, словно запасаясь энергией на всю оставшуюся жизнь. Только зря все было, потому что стоило ему исчезнуть из ее жизни, как она почувствовала еще более пугающую пустоту, чем была до его появления.

Катя попыталась прогнать грустные мысли и сосредоточиться на задании. Она начала разглядывать мужчин, подходящих ей по возрасту. Возрастную планку она наметила до сорока лет, рассудив, что если объект будет старше, то, соответственно, общего у них будет меньше. Естественно, категорию сильно молодых она тоже отмела, так как не считала их интересными для себя.

Довольно быстро один из мужчин привлек ее внимание. Не красавец, но достаточно привлекательный, он стоял возле длинного ряда холодильников и, по всей видимости, выбирал рыбу. Кате импонировало в нем все — аккуратно подстриженные светло-русые волосы, правильные черты лица. Даже то, как он щурил глаза, рассматривая надписи на этикетках, показалось ей симпатичным. Добавить к этому спортивное телосложение и рост выше среднего, картинка получалась законченная.

Пооглядовавшись по сторонам и убедившись, что рядом нет жены или еще какой-нибудь представительницы противоположного пола, пришедшей в магазин с объектом наблюдения, Катя решительно двинулась в его сторону. Когда оставалось всего несколько шагов, она вынуждена была тормознуть, заметив, как мужчина подозвал к себе девушку — работницу магазина. Катя наклонилась над замороженными полуфабрикатами, делая вид, что выбирает котлеты, и могла слышать все, что говорил мужчина. Впрочем, хватило и пары слов. Как только Катя услышала шепеляво-писклявый голос обладателя привлекательной внешности, так сразу уровень ее заинтересованности в нем упал до нуля. Матушка природа была в игривом настроении, создавая этого индивида. Она решила, что в человеке не может быть все прекрасно, и в нагрузку дала ему препротивнейший голос.

Пришлось начинать все с начала. С первой неудачей боевой задор резко снизился. Катина уверенность, что дело того стоит, дала трещину. Она украдкой вглядывалась в лица мужчин, решая, кто ей понравится следующим. Возле колбасного отдела она заметила второго. Правда,

показался он ей немного странноватым. Вернее, странновато он был одет. Мохнатая шапка-ушанка слабо сочеталась с короткой спортивной курткой. Зато ей понравилось его лицо, улыбка с ямочками на щеках и то, как он общался с продавщицей, сдобривая речь шутками и прибаутками. С таким не заскучаешь, решила Катя и вдоль стеллажа со специями стала перемещаться в сторону колбасы. В пользу нового претендента говорило и то, что настоящий мужчина не должен быть равнодушен к мясу.

Решив придать знакомству окраску случайности, Катя встала в небольшую очередь за колбасой. Очередь двигалась быстро, так как за прилавком работали две бойкие девушки в колпаках Санта-Клауса. Они через одного обслуживали покупателей, и очередь мужчины и Катина подошла почти одновременно. Ничего не придумав лучше, Катя воскликнула:

— Ой, я хотела именно тот кусочек, — заметив, как одна из девушек достала из витрины холодильника полпалки вареной колбасы, чтобы взвесить мужчине.

Девушка растерялась на мгновение, решая, что делать с колбасой, а потом весело ответила Кате:

— У нас этой колбасы много. Отрежем вам такой же.

— Нет. Я хочу именно этот, — сама не зная зачем, Катя обиженно надула губы. Где только научилась этому, недоумевала она.

— Ну, если молодой человек не против уступить его вам... — продавщица задорно улыбнулась мужчине.

— Еще чего! — весь задор с лица мужчины куда-то делся, стоило ему взглянуть на Катю. — Я первый выбрал этот кусок.

— Давайте не будем ссориться из-за куска колбасы перед самым Новым годом, — встряла в разговор вторая продавщица. — В честь такого праздника уступите даме, — обратилась она к мужчине.

— Вам бы уступил, — ответная улыбка мужчины разве что не сыпала искрами дружелюбия, — но ей, — он с неприязнью глянул на Катю, — ни за что. Знаю я таких, как она...

Что он хотел этим сказать, Катя выяснять не стала. Потеряв интерес и к колбасе, и к мужчине, она купила сто грамм сосисок и отошла на безопасное расстояние. Стоило немного поразмыслить. Она вышла из магазина и уселась на небольшую лавочку в бутиковой галерее. О том, что она могла до такой степени кому-нибудь не понравиться, Катя не подумала. К решению проблемы она подошла однобоко, рассматривая только аспект своего восприятия.

Стараясь не поддаваться обиде и оставаться адекватной, Катя критически задумалась о своей внешности. Красивой она себя никогда не считала, но и дурнушкой тоже. Скорее она считала непривлекательным свой характер, но не внешность. Как говорила Дина, внешне у Кати все было на месте — и фигура, и рост, и лицо. Что же тогда получается, что характер отложил отпечаток на внешность? Да еще и такой, что это сразу бросалось в глаза? Получается так.

Представив, что ей нужно вернуться в продовольственный и вновь приступить к поиску, Катя затосковала. Время шло, а она не продвинулась ни на шаг. От мысли, что ей придется продолжить поиски, чтобы не перестать уважать себя, становилось еще хуже.

Не тратя время впустую, Катя наметила очередную жертву, едва снова оказалась в магазине.

На этот раз ей оказался мужичок со смешным лицом, чем-то напомнившим ей артиста советского кино Евгения Леонова. А почему бы нет, подумала она. Почему бы ей не остановить свой выбор на мужчине нетрадиционной внешности. Тем более, в нем что-то было, что сильно привлекло Катю, возможно всепоглощающая доброта. И не важно, что он одного с ней роста и что возраст его она не может определить. По виду ему можно было дать как тридцать, так и сорок лет. А еще ей понравилось, что выбирает он стиральный порошок, — как-то это было не по-новогоднему и очень наивно. Он забавно всматривался в пачки, брал их в руки, взвешивал на ладони и даже принюхивался.

— Добрый день! — не давая себе времени передумать, Катя подошла к мужчине.

Если он и удивился, что с ним заговорила незнакомая девушка, то виду не подал. Напротив, широко улыбнувшись, перешел в наступление:

— Милая моя! Как хорошо, что вы решили мне помочь, никак не могу найти порошок-автомат для черного белья, — лицо его при этом стало совершенно измученным и забавным одновременно.

— Это вам нужно искать вот там, среди жидких средств. Порошок такой вы не найдете, — только Катя собиралась задать вопрос по существу, как он метнулся в сторону, к средствам для стирки темного белья.

— Ого! Но тут их столько! Какой же выбрать? — он опять беспомощно посмотрел на Катю.

— Возьмите вот этот, — Катя протянула ему литровую бутылку. — Он хорошо отстирывает. Я сама им пользуюсь. А...

— Вот, спасибочки, — заулыбался он. — А то я совсем измучился.

— А что вы делаете сегодня вечером? — выпалила Катя.

— Как что? Встречаю Новый год.

— Ну, то есть, я хотела спросить... Вернее, я хотела поинтересоваться... Ой, совсем запуталась, — Катя сильно покраснела. — В общем, не хотите ли вы встретить Новый год со мной?

— Вам не с кем встречать Новый год? — совсем растерялся мужчина. — Вы очень одиноки, да? — он сочувственно заглянул ей в глаза. — Тогда, знаете что? Приходите-ка к нам сегодня вечером. Моя жена готовит утку и печет вкусный торт. И детишки тоже будут рады такой симпатичной гостье...

— Детишки? — Катины щеки уже были не просто красными, они пылали ярким румянцем.

— Ну да. У меня их пятеро — три мальчика и две девочки, — с гордостью произнес мужчина. — Но пусть вас это не смущает. Хорошему человеку мы всегда найдем место за праздничным столом.

— Ох, — Катя приложила ладони к пылающим щекам. — Простите меня, пожалуйста, — взмолилась она, — я сама не ведаю, что творю, — смотреть на это доброе лицо больше не было сил. Катя развернулась и быстро пошла в направлении наиболее сильного скопления покупателей.

— Ну как же так? — услышала она вслед. — Как же вы будете встречать Новый год одна?

Боже мой! Что она тут делает? Только сейчас Катя осознала всю абсурдность происходящего. С чего она взяла, что можно вот так вот подходить к людям и задавать им глупые вопросы? Что это, если не игры с судьбой? И можно ли с ней играть? Не накажут ли ее за это?

Решив как можно скорее уйти домой, Катя свернула к полкам с шампанским, чтобы не уходить с пустыми руками, тем более что выпить бокал под бой курантов нужно обязательно. У нее даже настроение улучшилась, когда она решила прекратить поиски. Все вернулось на круги своя. Она все та же Катя — угрюмая, слишком рассудительная, временами нудная и одинокая. Может, ей и стоит все поменять, но только не так и не сейчас, когда нужно подумать о том, чтобы встретить Новый год достойно.

Занятая поисками полусладкого шампанского, Катя не заметила, как сзади подошел мужчина. Она вздрогнула и чуть не смахнула бутылку, за которой как раз потянулась, услышав:

— Девушка, а не хотите ли встречать Новый год со мной?

— Что ты тут делаешь? — Катя ошарашено уставилась на Сергея.

— Ищу девушку своей мечты, — его лицо сейчас казалось ей таким красивым, что даже сердце в груди болезненно сжалось.

— И как, успешно? — Катя перехватила другой рукой бутылку шампанского, чтобы удобней было держать.

— Как видишь, нашел.

— И где же она? — Катя решила, что с мужеством выдержит это последнее испытание и ничем не выдаст своего горя.

— Кать, ты вообще слышала, что я тебе сказал? — улыбка сползла с лица Сергея.

— Что ищешь девушку? Слышала...

— Я сказал, что нашел... тебя, — Сергей забрал из ее рук шампанское и вовремя, так как она чуть не выронила его. От внезапно нахлынувшего счастья Катя перестала чувствовать руки и ноги. — Я пришел сюда за тобой, потому что хочу встречать Новый год с тобой.

— Но ты не можешь... Так не бывает, — Катя заплакала, а он обнял ее одной рукой и прижал к себе.

— Все бывает, сегодня праздник, когда исполняются все желания.

— Я даже мечтать о таком не могла, — всхлипнула Катя, сопя ему в пальто. — Я даже ничего о тебе не знаю, — она подняла к нему заплаканное лицо.

— Я расскажу тебе все, что захочешь, — Сергей поцеловал ее. — У нас вся жизнь впереди.

— Я все хотела спросить, не женат ли ты, и забывала, — Катя замерла, внезапно испугавшись, что он сейчас скажет — да, женат.

— Я был женат, но уже давно развелся. У меня есть взрослый сын. Я тебя с ним обязательно

познакомлю...

— Ты не можешь хотеть встречать Новый год со мной. Для этого нужно... — Катя резко замолчала и опять уткнулась ему в плечо.

— Что? Любить тебя? — Сергей оторвал ее от себя и заглянул в глаза. — А я и люблю. Ты не представляешь, как я мучился эти два дня. Все время порывался бежать к тебе.

— Почему же не прибежал? — тихо спросила Катя, все еще боясь поверить в такое счастье.

— Нельзя было. Ты должна была как следует все обдумать и сделать свой выбор.

— Я уже давно его сделала, — наконец-то Катя позволила себе счастливо улыбнуться. — Еще тогда, когда ты спас меня из колодца.

— Пойдем домой, — глаза Сергея прожигали ее насквозь. — Нам о многом нужно поговорить. Мне еще предстоит долго и нудно уговаривать тебя поехать со мной во Францию.

— Куда? — Катя совсем растерялась.

— Во Францию, где на Лазурном берегу у моря стоит красивый двухэтажный особняк. В этом особняке живет мужчина, который еще недавно думал, что больше никогда не женится, а сейчас не может представить себе жизни без голубоглазой пугливой девушки, укравшей у него сердце.

— Это ты о себе и обо мне? — они уже направлялись к выходу, чтобы покинуть магазин, который навсегда останется в их памяти как самое романтическое место на земле.

— Это я о нас!

И было все —
И праздник, и веселье,
И бой курантов в тишине ночной,
Когда два сердца
В унисон запели
Одной любви и нежности земной.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.